

Алана Инош

Про Одну
Девочку

Annotation

Сборник крошечных бытовых историй, написанных в обычно не свойственном для автора стёбно-иронично-шутливом стиле. Автор развлекался, а заодно тренировал навык лаконизма в изложении. Одна Девочка — самая обычная, заурядная девушка, волею автора и Музы попадающая в разные комичные (или не очень) ситуации.

- [Алана Инош](#)
 - [Лак для ногтей](#)
 - [Интернет](#)
 - [Зуб](#)
 - [Чернослив](#)
 - [Диета](#)
 - [Заколдованное место](#)
 - [Масло слив](#)
 - [Дыньки](#)
 - [Душевный подход](#)
 - [Искорка](#)
 - [Бабушкины пирожки](#)
 - [Последний кусочек весны](#)
 - [Минута славы](#)
 - [Мамин день рождения](#)
 - [Самая вкусная вода](#)
 - [Фитнес и булочки](#)
 - [Подарок для ангела](#)
 - [Матрёшка](#)
 - [Любовь и сопли](#)
 - [Масленица](#)
 - [Пляжная феерия](#)
 - [Нехорошая квартира](#)
 - [Лучший Новый год](#)
-

Алана Инош
Про Одну Девочку

Лак для ногтей

Жила-была Одна Девочка, которая очень любила красить ногти лаком. А лак она предпочитала глянцевый, с блёсточками; когда его близко рассматриваешь, там такие малюсенькие искорки мерцают. Но Девочка никак не могла запомнить, как эти блестящие частички называются. Она помнила только, что слово начинается на «ш», а заканчивается на «ер». Шла она однажды в магазин за лаком и опять пыталась вспомнить:

— Шулер? Шухер? Шифер? Шафер?

По пути она почувствовала, что проголодалась, и зашла в кафе. Там она съела блинчики с клубничным вареньем, чизкейк, тирамису и заполировала всё это дело пирожным «картошка». Ну и кофе, конечно. Со сливками. Желудок был доволен, а вот Девочка — нет. Придётся бежать в тренажёрный зал и в поте лица сжигать всё, что она только что наела. Настроение чуточку подпортилось.

Девочка продолжила свой путь за лаком. А вокруг — лето, жара, тополиный пух. Девочка шла, чихала и плевалась. И люди кругом — тоже. Пискнул телефон: SMS от Любимой. Девочка открыла сообщение, прочитала первые три слова: «Дорогая, нам надо...» — и так сильно чихнула, что нечаянно нажала «удалить». И недочитанный текст канул в Лету. «Ладно, потом перезвоню, спрошу», — решила Девочка. Настроение подпортилось ещё самую чуточку, но пока ещё не дошло до критической точки.

По дороге за лаком она встретила играющих в футбол мальчишек. Ну, как в футбол? Один стоял на воображаемых воротах, а второй забивал ему голы. Мяч подкатился к ногам нашей любительницы блестящего маникюра, и её резко охватило желание пробить по нему. Не иначе, детство разыграло в одном округлом, как две половинки этого мяча, месте. «Но ты же Девочка», — возмутился внутренний голос. «Пнуть-пнуть-пнуть», — высунув язык, дышало желание. И она пробила от души. Удар был мощный, но неточный — мяч стукнул по припаркованному неподалёку пафосному джипу. Сигнализация заверещала. Видя, что к авто бежит лысый дяденька с явно написанным на лице намерением всех превратить в рваные грелки, Девочка уходила огородами. Точнее, дворами. «Да что за день сегодня такой?» — думала она, запыхавшаяся и взбудораженная дозой адреналина. Безобидный, самый будничнейший путь за лаком превращался прямо-таки в какой-то квест.

Пришла она, а магазин закрыт.

— Ну, офигенно, — сказала Девочка. Вернее, сказала-то она другое слово, непечатное, но очень тихо, и извинилась перед внутренним голосом, который только укоризненно вздохнул.

Девочка не привыкла сдаваться и пошла искать другой магазин. Но тут мимо проехала машина, окатив её водой из грязной лужи. Идти в таком виде можно было только обратно домой. Подпорченное настроение начало покрываться пятнами плесени.

Дома она кинула платье в стиральную машину, добавив ещё несколько ожидавших стирки вещей. А машинка сказала:

— Кирдык.

— Отличный выходной, — вздохнула Девочка, замачивая платье в тазике.

Тут она вспомнила про SMS и перезвонила Любимой.

— Привет, я твою SMS-ку нечаянно удалила, не дочитав. Что ты там написала?

А Любимая ответила:

— Прости, нам надо расстаться. Это и написала. Извини, это свинство с моей стороны, конечно, но... так получилось.

Девочка где стояла, там и села. Внутренний голос молчал, а настроение сменило статус на «полная ж...а». «Бросать по SMS, не глядя в глаза — верх неуважения», — сжала челюсти гордость.

А коньяк обнял за плечи и сказал:

— Ну что, мать, по пятнадцать капель? Повод, как-никак. Грустный, но какой уж есть.

Очнулась Девочка только вечером, когда за окном остывал летний закат. Пошла на кухню промочить стиснутое сушняком горло и стукнулась головой о дверцу шкафчика. Голова сказала:

— Бздынь.

— Тс-с! — шикнула на неё Девочка.

Сидя за столом, она вспоминала сегодняшний день. Сходила за лаком, называется.

Однако оказалось, что в голове не зря что-то бздынькнуло. Девочка вспомнила, как называются блёсточки в лаке — шиммер. Это слово выскочило легко и весело:

— Привет! Почему такое кислое лицо? Жизнь прекрасна, ведь у тебя теперь есть я!

— Ну, круто, чо, — сказала Девочка.

В шкафчике стояла банка с магазинным клубничным джемом. Девочка

напекла блинчиков и съела столько, сколько душа просила. Внутренний голос ещё лежал в отключке, поэтому о лишних килограммах ей напоминать было некому. Желудок переваривал блинчики, а мозг наслаждался всплывшим из глубины извилин словом. Какое-никакое, а удовольствие.

— «Если есть в кармане пачка сигарет, значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день», — хриловато напевала Девочка.

Интернет

Однажды Одна Девочка сидела в интернете: смотрела видео про котэ, зависала на любимом форуме, слушала в наушниках музыку. И вдруг интернет кончился. Ни одна страница не хотела открываться. На вкладках браузера при обновлении бесконечно крутились колёсики.

С компьютером и кабелем было всё в порядке. Девочка позвонила провайдеру.

— У нас — причинческие технины, — проямлил тот. — Мы работаем над этим.

Девочка вздохнула. В ожидании, когда интернет починят, она сделала уборку, приготовила ужин, выбросила мусор; вспомнила, что не вытерла пыль на антресолях, и сделала это. Также она нашла завалившуюся под шкаф зарядку для телефона, обнаружила под диваном пресловутый второй носок, а между книгами — давно потерянную фотографию, где они с Любимой на море. Вот только не было уже в её жизни той Любимой, а новый отпуск ожидался через... впрочем, не будем о грустном.

Интернет ещё не включили. Девочка прибрала на балконе и отнесла хлам к мусорным контейнерам, как вдруг залюбовалась закатным небом и решила просто пройтись по улице. Сидя на лавочке под сиренью, она увидела, что ушла гулять в домашних тапочках. То-то ногам было так подозрительно удобно!

А ещё она оставила дома ключи, а дверь захлопнула.

Девочка очень огорчилась, даже прекрасный вечер не радовал её больше. Расстроенная, она побрела по улице, куда глаза глядят. Впрочем, ноги вскоре сказали:

— Прости, но дальше свой путь тебе придётся продолжать без нас.

Ещё бы: Девочка переделала столько дел, пока ждала этот идиотский интернет!..

Она сидела грустная на лавочке, пытаясь собраться с мыслями. А мысли сказали:

— Извини, собрание не состоится, кворума нет.

Возле магазинчика электротоваров, расположенного на первом этаже жилого дома, припарковался мотоциклист. Он снял шлем и оказался девушкой с короткими русыми волосами и голубовато-серыми глазами.

«Какая классная!» — лирично и романтично застучало сердце.

Девушка зашла в магазинчик, а через пять минут вернулась с

упаковкой пальчиковых батареек.

— Привет, — сказала Девочка. — Крутой байк. Всегда мечтала прокатиться.

Незнакомка улыбнулась.

«Только не говори, что ты оставила ключи дома, людям меньше всего нужны чужие проблемы!» — предупредил внутренний голос.

Но Девочка так и сказала, смеясь над всей этой дурацкой ситуацией. Так они с девушкой и познакомились. Посидели в кафе, покатались по улицам.

— Может, ко мне? — спросила девушка.

Девочка осталась у неё на ночь, совсем забыв, что завтра на работу. Тот удивилась мама, когда она в полседьмого утра явилась к ней за запасными ключами!.. (У мыслей всё-таки собрался кворум — лучше поздно, чем никогда).

На работу Девочка успела. Включился интернет или нет, проверять утром было некогда, а выходя вечером на крыльцо офиса, она с улыбкой прочла сообщение от девушки с мотоциклом:

«Привет, какие планы на вечер?:)»

Включили интернет или нет? Да уже, в общем-то, было неважно.

Зуб

Как-то раз у Одной Девочки заболел зуб. К зубному идти было, как водится, страшно, и Девочка оттягивала эту неизбежность, как могла.

— Ы-ы-ы, — ныл зуб.

— Ну, не ной, вот тебе таблетка, — уговаривала Девочка.

— Ладно, но только до ночи, — согласился тот.

Ночью Девочка проснулась от жуткой боли.

— А-а-а-ы-ы-ы-о-о-о-у-у-у! — выл зуб.

Больше ни на какие уговоры он не поддавался, у Девочки даже температура поднялась. Промучившись до утра в каком-то гриппозном полубреду, она отпросилась с работы и поковыляла-таки к стоматологу. «Что-то фамилия врача знакомая», — подумалось ей при виде таблички на двери.

«Нет, только не это», — запаниковала задняя интуиция. Зад похолодел, спина следом за ним покрылась мурашками.

Но спастись бегством было поздно: Девочку уже пригласили. Опасения оправдались: врачом оказалась бывшая Любимая. Видно, она ушла из клиники и открыла свой кабинет. Она сделала вид, что не узнала Девочку, обращалась к ней на «вы», держась сухо и по-деловому.

У Девочки оказалась какая-то очень неприятная болячка с глубинным нагноением. Рентген подтвердил диагноз. Врач ковырялась в зубе, что-то резала, колола, промывала... Когда Девочка встала с кресла, ноги сказали:

— Ходить? Как это? Не слышали.

А руки им вторили:

— Паркинсон — это когда вот так, — и затряслись.

А бывшая Любимая добила окончательно:

— Через два дня — на повторный приём.

Всё бы ничего, но в дверях кабинета мозг забастовал:

— Мне не хватает крови!

Всё завертелось вокруг Девочки, её окутал звенящий и жужжащий кокон прохладного онемения, и стука своего ослабевшего тела о пол она уже не слышала. Очнулась Девочка на диванчике. Врач озабоченно склонилась над ней, поднося к её носу ватку с нашатырём.

— Ты чего? Ну-ка, не пугай меня, — сказала она.

Она перешла на «ты». Это отозвалось внутри у Девочки странным ёканьем. Прошлое накатило, закружило душу и сердце в мучительном

танго... Моральное состояние объявило:

— Ой, всё.

И физически Девочке тоже было плохо. А врач сказала медсестре:

— Анечка, я отъеду на полчаса.

Она отвела Девочку к своей блестящей на солнце машине и отвезла домой. Голова воображала, что она катается на каруселях, ноги норовили прямо на ступеньках завязаться узлом, и до квартиры врач почти тащила Девочку на себе. Она пробыла с ней минут двадцать; ни о чём особенном они не разговаривали. Девочке было не до бесед, а врач, быть может, и хотела что-то сказать, но промолчала. Так и уехала, убедившись, что в ближайшее время смерть Девочке не грозила.

Весь остаток дня Девочка провалялась дома. Когда действие укола кончилось, челюсть наполнилась пульсирующей болью, а сердце ныло ей в такт. С Девушкой-с-Мотоциклом у Девочки не сложилось, она снова была одна, и тут как назло — бывшая Любимая.

А может, бывших любимых не бывает? Плохо сочетались эти два слова. Когда-то Девочка думала, что «любимая» — это раз и навсегда, до гробовой доски. А получилось вот так.

Вечером температура опять подскочила, сердце заколотилось. Стучал моторчик: «Дык-дык, дык-дык». А желудок сказал:

— Я дико извиняюсь, но — буэ-э-э...

И вывернулся. Голова между тем изображала из себя колокол. Организм заявил:

— Или делай что-то, или я сыграю в ящик.

Рука потянулась к телефону, палец нашёл номер бывшей Любимой.

— Да, — ответил знакомый голос.

— Мне плохо, — сказала Девочка.

А голос спросил:

— Ты мне как врачу сейчас звонишь, или...

— Блин, я щас сдохну, — прохрипела Девочка.

Голос ответил коротко:

— Я еду. Держись там.

Любимая-врач приехала быстро, измерила Девочке температуру, осмотрела рот. От одного лишь прикосновения её мягких прохладных ладоней становилось легче.

— Вот ещё выдумала — сдохнуть... Утром поедем открывать временную пломбу, посмотрим, что там такое. Антибиотики, которые я тебе выписала, принимала?

Девочка лежала на диване, слабая и больная. Про таблетки она совсем

забыла... Любимая-врач не стала её журить, просто сама съездила в аптеку и привезла лекарства. И осталась у Девочки.

Нет, ничего «такого» между ними не случилось ночью, Девочка слишком плохо себя чувствовала. Когда в пять утра Любимая-врач курила на кухне в открытое окно, Девочка припелась и ткнулась лбом в её плечо. Это была какая-то физическая зависимость: когда они соприкасались, Девочке становилось лучше. Слезы сказали:

— Самое время для нас.

А Любимая-врач спросила:

— Ты чего так тряслась, когда заходила в кабинет? Думала, я специально буду делать тебе больно?

Девочка только устало сморщилась.

— Я же не зверь какой-то, — усмехнулась Любимая-врач, но не губами, а так, как умела только она — лучиками в уголках глаз.

За окном чирикали птички, занимался рассвет. Любимая пила кофе, а Девочка думала о ней. Первые седые ниточки в модной стрижке «пикси» с элегантной чёлкой. Никогда не красила волосы. Мрачно-пристальные карие глаза, прямой взгляд которых непросто выдержать. Внешне — сдержанная, молчаливая: больше дела, чем слов. А сама Девочка — полная противоположность: эмоциональная, думающая сердцем, со всеми сопутствующими девчачьими заскоками. Расстались они, потому что у Любимой закрутился роман с пациенткой.

Утром они вместе приехали в кабинет. Девочка уже не тряслась, она доверилась рукам, таким родным когда-то (да и сейчас, что греха таить...). Она отдалась им полностью, растеклась в кресле, когда лёгкий шёпот согрел ей сердце:

— Всё будет хорошо, не волнуйся.

Девочка пискнула, почувствовав укол.

— Ну-ну, тш-ш, — ласково, будто ребёнку, сказала врач.

Потом Девочка двадцать минут лежала на диванчике, чтобы опять не грохнуться в обморок уже за дверью.

— Звони, если что, — сказала Любимая-врач.

Были, конечно, и таблетки, и полоскания. Боль прошла, но состояние зуба требовало наблюдения. Пришлось ещё пару раз посетить кабинет. При медсестре Любимая-врач была сдержанной, а когда Девочка по сложившемуся обычаю принесла коробку конфет, она усмехнулась. Девочка вернулась на работу, а в обеденный перерыв получила со знакомого номера SMS:

«Я найду вечером, ты не против? Надо поговорить».

«Хорошо», — ответила Девочка.

Любимая-врач пришла с теми самыми конфетами. Девочка заварила чай.

— Тебе нельзя сладкое, — сказала гостья, забрала у Девочки конфету и поцеловала, чувственно проникая в рот, который сама отремонтировала.

Они стояли у приоткрытого окна: Любимая обнимала Девочку за талию, прижимая к себе, а та закинула руки ей на шею мягким кольцом.

— Наверно, это расставание было ошибкой. — Губы Любимой шевелились около уха Девочки, приглушённый полусшёпот обдавал мурашками. — Мне не хватает тебя. Очень. Всех твоих бзиков, голоса твоего, запаха волос. Того, как ты пицишь в постели. Записочек твоих. Прости меня, малыш.

«А я, наверно, просто дура и тряпка, — хотелось ответить Девочке. — Никакой гордости».

Они стояли у окна и слушали вечер.

Чернослив

«Быть или не быть? Простить или не простить? Принять или не принять?» — с гамлетовским драматизмом и трагизмом размышляла Одна Девочка. Любимая предлагала вернуть всё былое, и от серьёзности этого шага Девочка даже приуныла, запарилась и загрузилась. Сердце пело:

— Позвони мне, позвони!

А гордость надменно вещала:

— Может, ты забыла меня?

А пока Девочка металась между ними, нервы её звенели и пели, как струны арфы, и организм, оценив ситуацию, решил, что он находится в состоянии стресса. А кишечник на этой нервной почве психанул и объявил:

— А вот фигушки вам всем! Забастовка. Даёшь дискомфорт! Даёшь брожение, боль и тяжесть каждому сантиметру кишечной трубки!

Как Девочка ни пыталась урезонить бунтующее нутро, оно — ни в какую. Слабительное она принимать не решилась, зато купила пакетик чернослива. Небольшой такой, граммов на сто пятьдесят. Сухофрукт был отборнейший: крупный, мягкий и нежный, кисловато-сладкий, очень вкусный! Ну, и вечером, под не обременяющую извилины романтическую комедию, Девочка не заметила, как за один присест вточила весь пакет.

— Хм, — задумалась она. — Не многовато ли? Ну ладно, завтра выходной. Если что-нибудь случится, не страшно.

Утром нутро как будто усовестилось, и Девочка успокоилась. Как оказалось, рано.

Позвонила Любимая, пригласила на прогулку в парк. В животе покалывало и слегка бурчало, но Девочка не стала обращать внимание: как-никак, решалась судьба их с Любимой будущего. Погода была чудесная: солнышко ласково обнимало лучами улицы, листва шелестела под тёплым ветерком... Благодать, да и только! Девочка навела красоту, оделась, брызнулась любимым парфюмом и вышла из дома.

В парке они неспешно гуляли по тенистым аллеям. Девочка слушала покаянные объяснения Любимой:

— Она только через месяц призналась, что замужем. Муж ей изменял. А она просто хотела попробовать... Поэкспериментировать, так сказать. Ну, а я... Ты меня знаешь. Я считаю нечестным начинать новые отношения, не закончив предыдущие... Вот и приняла решение о расставании, когда ещё не знала о ней всего. В паспорт я ей не заглядывала... А зря.

Это была очень душещипательная история, вот только живот Девочки решил, что бунт должен продолжаться. Шоу маст гоу он, так сказать. Он натянулся, как барабан, и Девочка опасалась, что его сердитое бурчание слышали все на километр вокруг. Её взгляд тоскливо провожал удобные и пышные кусты, мимо которых они с Любимой проходили, а когда та предложила посидеть в кафе, Девочка с энтузиазмом приняла предложение, но, сами понимаете, не ради еды, а ради места, где можно было осуществить самый что ни на есть противоположный процесс.

— Все мы совершаем ошибки... Сбиваемся с пути. Я вот тоже сделала такой крюк, но в итоге возвращаюсь к тому, что было прежде. Не знаю, правда, возможен ли такой возврат, или мой поезд уже ушёл...

Девочка старалась слушать внимательно, взирая на Любимую широко открытыми глазами. Любимая, наверно, думала, что такой распахнутый и сияющий взор у неё от чувств, но сама Девочка подозревала, что выпучивание глазок из орбит происходило из-за повышенного давления внутренней атмосферы.

— Бурр, бурр, — возмущался живот, надуваясь шариком.

— Тыдыщ-пыщ-пыщ, — подливал масла в огонь чернослив.

Похоже, зажигал он там не по-детски, карнавал в Рио-де-Жанейро и Армагеддон по сравнению с этим шоу были просто детским утренником. Невольно вспоминалась дурацкая реклама про революцию в животе...

Все эти внутренние волнения не могли не отразиться на выражении лица Девочки, что в итоге стало заметно и Любимой.

— Что с тобой? — обеспокоилась она. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Да... Извини, я... ненадолго отлучусь, — пробормотала Девочка.

В туалет она рванула со скоростью ракеты. Чернослив устроил в животе такой «пыщ-пыщ», что она едва успела добежать до заветной кабинки.

Ей было очень неловко и стыдно перед Любимой. В ответ на озабоченные расспросы Девочка что-то невнятно промямлила насчёт отравления. И тут же пожалела об этом, потому что Любимая была всё-таки врачом. Отвертеться не получилось, напротив, поток расспросов усилился: что Девочка ела, когда, смотрела ли на срок годности... О черносливе она почему-то постеснялась рассказать, уж очень глупо всё получилось.

Когда дело касалось здоровья, от заботливости Любимой невозможно было спастись нигде, даже на необитаемом острове, Девочка уже давно с этим смирилась. Для операции «Спасти рядового Девочку» они скупили в аптеке все стратегические запасы полисорба и смекты, а когда Любимая вышла к машине, Девочка тайком прикупила ещё и эспумизан.

Дома в неё влили вышеназванные средства, хорошо хоть клизмы удалось избежать. Любимая заботилась с силой торнадо, и Девочка обречённо сжалась в кресле в комочек, а точнее, в маленький, уже начавший сдуваться шарик. И всё-таки, несмотря на все страдания, моральные и физические, где-то в глубине души ей было приятно.

А Любимая тем временем извлекла из мусорного ведра пустой пакетик из-под чернослива.

— А вот, кажется, и виновник «торжества», — усмехнулась она. — Ты что, съела всё одним махом?

Девочка, еле живая от смущения, могла только безмолвно кивнуть. Её лицо представляло сейчас собой грустный смайлик зеленоватого цвета.

— Это всё вы виноваты, — сказал живот нервам. — Все болезни — от вас!

Утробный бунт утих, и как-то так само получилось, что Любимая осталась. Не сразу, конечно. Но спустя какое-то время в стаканчике в ванной опять стояли две зубные щётки.

А тот пакетик из-под чернослива Девочка сохранила на память.

Диета

Одна Девочка решила сесть на диету — на яблоках, отрубях и кефире. Найдя сорт очень сладких и сочных зелёных яблок, она прямо-таки пристрастилась к нему.

— Ням-ням, — увлечённо жевал рот. — Чавк, чавк! Хрум, хрум.

Ну, а отруби... Если смешать с кефиром, то вроде бы и не противно. Ещё Девочка решила исключить из своего рациона сахар и всё, что его содержало, а поскольку она была сладкоежкой, ей пришлось довольно туго. Рука так и тянулась бросить в кружку с кефирно-отрубной смесью ложечку-другую «белой смерти», но сила воли говорила:

— Нет! Сахар — это мёртвые калории, ничего полезного.

Но Девочка не могла совсем уж без сладкого. Сахар она отчасти заменила мёдом, но и то старалась не слишком налегать, потому что — калории!

В интернете она поглощала разнообразные статьи о правильном питании, о жирах, белках и углеводах, витаминах и аминокислотах. Но чем больше она читала о еде, тем сильнее текли слюнки, заливая клавиатуру. Особенно по вечерам.

Любимая как врач не одобряла её экспериментов.

— Вечно дамы с диетами так намудрят, что потом по больницам приходится бегать. Это то же самое, что самому назначать себе лекарства. Самолечение в чистом виде. И зачем тебе худеть? Нормально ты выглядишь.

— Я не для похудения, а для очищения организма, — отвечала Девочка.

А на работе все как сговорились устраивать чаепития. То одна дама тортик притащит, то другая — пирожки. И всё такое вкусное! И так пахнет! Нюх у Девочки обострился до крайности: она за версту чуяла, кто, где и что ест.

— Гр-р-р, — рычал желудок, как голодный цепной пёс.

— Хочу-хочу-хочу! — впадал в истерику мозг. — Дай мне это, а то я из окна... то есть, из черепа выброшусь!

Его ломало, как наркомана. Он страдал по сладенькому.

Но Девочка не шла у него на поводу. На обед у неё было большое зелёное яблоко и стаканчик белого несладкого йогурта с отрубями, а также зелёный чай без сахара. Отруби хрустели на зубах, по вкусу напоминая

сухари. Сухарики... Со вкусом бекона, сыра, шашлыка. Пересоленные, напичканные химическими добавками, но такие вкусные!

— Дай, дай, дай! — кричал организм. — Дай дозу химикатов! Я подсел!

— Нет, — отвечала сила воли. — Очищайся.

Обычно Девочка своевременно пополняла запасы своих любимых яблок, но однажды закрутилась — забыла. Придя вечером с работы, она сунулась в холодильник, а в отделении для фруктов и овощей — только грейпфруты Любимой и один примятый плод киви. С цитрусовыми у Девочки отношения как-то не сложились: стоило ей съесть парочку апельсинов, как что-нибудь тут же начинало чесаться и покрываться сыпью. Любимая ещё не пришла домой, и Девочка набрала её номер.

— Солнц, ты ещё на работе?

— Уже собираюсь домой.

— Отлично, не могла бы ты заскочить в магазин и купить яблок? Ну, тех, которые я обычно беру. Я что-то забыла про них в этот раз.

— Нет проблем, заскочу.

— Спасибо, зай, целую тебя.

В ожидании Девочка заварила себе зелёного чайку, быстро приняла душ. Повернулся ключ в замке, и Любимая вошла. «Привет» и быстрый, но крепкий чмок в губы — и Девочка приняла у неё тяжёлый пакет с продуктами. Среди всего прочего были и яблоки — душистые, красивые и крупные, но... красные.

— Зай, я ж зелёные просила, — огорчилась Девочка.

— Их не было, — спокойно ответила Любимая. — Чем эти плохи?

— Я зелёные люблю, — надула губки Девочка. — Я не буду эти.

— Как хочешь, — пожала Любимая плечами.

И принялась готовить: сегодня была её очередь. Пока она возилась на кухне, Девочка сидела за компьютером и читала статью о пользе пророщенной пшеницы. Она мечтала только о волшебной ложке, способной черпать еду прямо с картинок на мониторе... И сама не заметила, как переключилась на рецепты русской кулебяки, итальянской пасты, печени по-берлински, кексов с малиной, картофельной запеканки с фаршем и ростбифа с овощами. «Мне всего — и побольше!» — гулко и раскатисто урчал живот. Его вибрации наполняли пространство, отражались от стен и превращались в призраков с разинутыми зубастыми ртами, просящими еды.

А на кухне творилось вопиющее безобразие: на плите стоял уже готовый плов с курицей, что-то пеклось в духовке, а Любимая быстро и

ловко лепила картофельные вареники, красиво защипывая краешки тонкого теста. За работой её пальцев можно было наблюдать бесконечно, истекая слюной.

— Ты... ты это нарочно делаешь, да? — поймав по-рыбьи распахнувшимся ртом воздух, пробормотала Девочка. — Знаешь, что я на диете, и всё равно... — Горло не дало ей договорить, громко булькнув: «Гол-л-лм, моя прелесть!»

— Не хочешь — не ешь, — невозмутимо отозвалась Любимая.

Девочка хмуро полезла в холодильник за своим кефиром однопроцентной жирности. Яблоки куда-то пропали, а дивный, сладкий, щемяще-райский дух с ноткой корицы, который источала плита, наводил на мысль...

— А там — что? — резко развернулась Девочка, показывая на духовку.

— Пирог, — ответила Любимая. — Ты ведь отказалась от яблок. Не пропадать же им.

Хныкая, Девочка размешивала отруби в кефире, а Любимая отправила вареники в морозилку:

— Это на завтра.

На полке холодильника стояла, конечно, и сметанка. С пластиковой упаковки нагло лыбился толстый котяра. Довольнѐхонький, сытый и добрый... А Девочка — голодная и злая. Блин, чёрт, ёклмн! Зубы клацнули, не дав вырваться более крепким словечкам.

Она не стала ужинать вместе с Любимой, довольствуясь своим кефиром с отрубями и дурацким мятым киви. Перед сном она немного утешила желудок белым йогуртом. Котяра на четырёхсотграммовом стакане сметаны бесил её своей сытой мордой.

— Зай, прости меня, ладно? — прильнула она к плечу Любимой, забираясь к ней под бок.

Бормотал телевизор, Любимая что-то читала в электронной книге, удобно устроившись на раздвинутом диване.

— За что?

Девочка ткнулась носом в короткие тёмно-русые волосы на её виске.

— За то, что я такая капризуля, врединка и нытик... Я тебя люблю. Очень-очень-очень.

Губы Любимой усмехнулись одним уголком и поцеловали её. Голос совести немного утих, желудок — вроде, тоже...

Город заснул, проснулась мафия. Вернее, в два часа пополуночи очнулось от анабиоза голодное тело. Мозг продолжал видеть сны, в то время как оно само, включив режим зомби, пошлёпало босиком на кухню и

открыло холодильник...

Когда щёлкнул выключатель и кухня озарилась светом, мозг проснулся и застучал преступление в самом разгаре совершения: одна рука черпала ложкой плов, вторая подносила ко рту кусок яблочного пирога, а третья существовала только в мечтах. Она орудовала волшебным столовым прибором, сметая вкусоности с экрана компьютера. Ну, а рот всё это радостно и усердно наворачивал.

Девочка от стыда вжала голову в плечи, но дожевала и проглотила. Любимая закрыла холодильник, тихонько чмокнула её в затылок и взяла за плечи.

— Всё, пошли спатки. И никаких диет, хватит себя истязать.

Перед тем как дверца захлопнулась, нахальный котяра на сметане явственно подмигнул и усмехнулся в усы.

Заколдованное место

Одна Девочка шла мимо большой зеркальной двери торгового центра. Ну очень гладкой и очень зеркальной, всё в ней отражалось великолепно и чётко: все прохожие, машины, противоположная сторона улицы. Гламурный сверкающий глянец, да и только! Конечно же, Девочка не удержалась от соблазна взглянуть на себя.

Замечательно она сегодня уложила волосы! На завивку она потратила полтора часа, но зато шевелюра теперь — хоть на красную дорожку выходи Оскара получать. Очень удачно вышло! Да уж, в эти изящные крупные локоны было вложено немало сил!.. Любимая, уезжая на работу к девяти, тратила на укладку феном всего пять минут: на её короткие волосы больше и не требовалось. Правда, сегодня девушки чуть не поцапались из-за этого прибора. Каждая пользовалась своим, но у Любимой он, как назло, сломался. Девочка первая успела усесться к зеркалу и врубить поток горячего воздуха. Любимая, выйдя из ванной с мокрыми волосами, что-то сказала ей, но сквозь шум фена слов было не разобрать.

— А? — переспросила Девочка, даже не думая выключить его.

Любимая повторила, но опять невнятно. После второго «а?» она склонилась прямо к уху Девочки:

— Я говорю, фен мой сломался, дай твой!

— Зай, ты сама себе начальница, а вот меня за опоздание... — начала было Девочка.

Но Любимая сказала:

— На пять сек.

И отобрала фен самым наглым образом, в качестве моральной компенсации чмокнув в ушко. Девочке такого возмещения показалось мало, и она кинулась возвращать фен себе. В результате небольшой потасовки у зеркала победительницей вышла Любимая, а Девочке пришлось сидеть с мокрыми волосами, скрестив руки на груди и надув губы.

— Ну, не дуйся, — усмехнулась Любимая и поцеловала её.

А поцелуй был очень даже... ммм. За такой можно и всё простить, что Девочка и сделала.

А макияж! Под вечер уже немного расплылся, но издали не так уж и заметно. Зеркальная дверь отражала очень даже мило накрашенную девушку, стройную, в симпатичном белом платье-сарафане с бежевым

жакетом. А ножки, ножки! Каблучок был их изящным продолжением, лаковая сумочка сверкала солнечными бликами...

Бах!.. Внезапный удар обрушился на всю эту неопишную красу, отозвавшись в голове Девочки гулким эхом. Залюбовавшись своим отражением в зеркальной двери, она не заметила препятствие на своём пути в виде фонарного столба. Если в среде автолюбителей столкновение принято именовать поцелуем в переносном смысле, то встреча Девочки со столбом отражала самое прямое значение этого слова. На серой поверхности, обклеенной объявлениями, остался отпечаток её помады.

Никаких особенно страшных последствий для Девочки это происшествие не повлекло, кроме небольшой шишки и уязвленного самолюбия. Ещё бы — на глазах у всего честного народа врезаться в столб!..

Через несколько дней, уже почти забыв об этом досадном случае, Девочка зашла в тот самый торговый центр за новым феном для Любимой: пользоваться одним на двоих по утрам было чревато препирательствами, которые, впрочем, иногда разбавлялись поцелуями и щипками за попу в качестве мести. Купив прибор для сушки волос, Девочка вышла на улицу через ту самую зеркальную дверь и стала свидетелем ещё одного «лобового столкновения». Другая красавица, залипнув взглядом на своё отражение, не заметила столба и поцеловалась с ним. Проходивший мимо парень хрюкнул от смеха, а самой участнице «ДТП» было, конечно, не очень-то весело. Судя по покраснению, шишка у неё собиралась вздуться — вот же мистика! — в точности там же, где и у счастливой обладательницы фена.

А ещё через несколько дней на столь соблазнительной для дам зеркальной двери администрация торгового центра повесила объявление, гласившее крупными буквами: «ОСТОРОЖНО, СТОЛБ!!!» Видно, были ещё случаи...

А потом какой-то шутник наклеил на столб бумажку с надписью: «МЕСТО ДЛЯ ПОЦЕЛУЯ». На ней уже пестрели разными оттенками помады несколько отпечатков дамских ротиков. Были среди них и размазанные — явно от столкновений, и... аккуратненькие такие.

«Заколдованное место», — подумала Девочка. Подумала, хихикнула и чмокнула столб, оставив на бумажке аккуратненький отпечаток.

Масло слив

Однажды настала зима — как у нас водится, внезапно. Три ледяных месяца принесли с собой не только снегопады и пронизывающий ветер, но и насморк, кашель, ОРВИ и грипп. Вот и Одной Девочке не посчастливилось — захворала она.

Почувствовав на работе подозрительное недомогание, вечером Девочка сразу же отправилась в аптеку. Едва она вышла из автобуса, метель сразу швырнула ей в лицо пригоршню мельчайшей снежной пыли... Бррр! Окна аптеки манили уютным светом, обещая исцеление. Прикрываясь варежкой от ветра, Девочка вскарабкалась по занесённому крыльцу и открыла дверь. Звякнул колокольчик.

В аптеке была небольшая очередь. Покупали люди в основном то же, что собиралась взять и Девочка, а именно — средства от простуды и гриппа. Невысокая, щупленькая женщина, по-старушечьи закутанная в шаль, попросила:

— Мне капли в нос для ребёнка...

Фармацевт осведомилась:

— Ребёнку сколько лет?

А тетенька ответила:

— Тридцать два...

В очереди раздались смешки, а фармацевт с невозмутимым видом подала покупательнице капли для взрослых.

Дяденька-пенсионер в пыжиковой шапке того же возраста, откашлявшись в кулак, скрипуче произнёс:

— Мне... кхэм... этот, как его... Осциллограф!

Фармацевт, впрочем, уже научилась безошибочно угадывать правильные наименования.

— Осциллококцидум? — непроницаемо переспросила она.

— Кхым, гм... Да, — смущённо кивнул дяденька. — Ну и лекарства пошли, язык сломаешь...

Наконец Девочка подошла к заветному окошечку. Услышанное в очереди немножко подняло ей настроение, даже пошутить захотелось.

— Мне тоже осциллограф, — с улыбкой попросила она. — А ещё аэрозоль для горла «Каметон» и эфирное масло эвкалипта.

Девочка вообще увлекалась ароматерапией, и в домашней аптечке у неё всегда стоял стройный ряд флакончиков из тёмного стекла: пихта,

нероли, жасмин, чайное дерево... Она собиралась основательно пропитать воздух в квартире парами эвкалипта, дабы уничтожить заразу. Ещё не хватало Любимой подцепить хворь!..

Придя домой, Девочка начала лечение. Приняв лекарства согласно инструкции, она зажгла свечу в аромалампе и добавила в воду несколько капель резко, свежо пахнущего масла.

Любимая, придя домой, сразу повела носом:

— Чем у нас пахнет? Опять маслами твоими? — И, увидев градусник и лекарства на тумбочке, нахмурилась: — Малыш, ты что, заболела?

На диване сидел комок, свёрнутый из тёплого пледа. У него было маленькое отверстие для глаз, носа и пульта от телевизора.

— Да, похоже, — раздался оттуда сиплый голос Девочки. — Дай-ка мне... этот... осциллограф.

Брови Любимой удивлённо вскинулись, и Девочка уточнила:

— Ну, таблетки... Вон там, на тумбочке.

Любимая взяла упаковку, прочла наименование:

— Оциллококцинум... — И добавила с усмешкой: — Какие мы слова умные знаем! Почему осциллограф?

— Это их дядька в аптеке так окрестил, — кашлянула Девочка.

Конечно, забота Любимой тут же развернулась в самом широком масштабе. На следующий день она вызвала врача на дом. Девочке выписали больничный и кучу таблеток.

— На улицу не ходи, — собираясь на работу, наказала Любимая. — Я в магазин сама зайду. Тебе что-нибудь купить вкусненького?

Девочка составила список. Любимая между тем разложила таблетки по маленьким пластиковым стаканчикам, расписала, что и как принимать, чтобы рассеянная Девочка, не дай Бог, не пропустила или не перепутала что-нибудь. Нежно и сочувственно поцеловав её в горячий лоб, Любимая уехала.

Девочка, лёжа в объятиях пледа, смотрела фильм за фильмом — до полного оцепенения и тупой тяжести в гудящей голове. Заваривая себе травяной сбор, она попутно погуглила, что такое осциллограф, расширила свой кругозор. Из прочитанного она усвоила, что это... ну, в общем, прибор такой для измерения каких-то там колебаний. А ещё узнала, что пишется он с двумя «л», а в начале у него «о».

А вечером позвонила Любимая.

— Я в аптеке, — сказала она. — И мне тут говорят, что масла сливовых косточек у них нет.

Девочка сначала, что называется, не врубилась. Она подумала, что от

просмотра фильмов в режиме нон-стоп у неё слегка потерялось ощущение реальности. Сюр какой-то...

— Какое масло сливовых косточек? — удивилась она. — И что ты делаешь в аптеке? Ты же вроде только в магазин собиралась зайти...

— Малыш, ну, не тупи, — нетерпеливо вздохнула на том конце линии Любимая. — Ты мне список давала?

— Давала.

— Вот. И в списке написано: «Масло слив». Мы тут с фармацевтом гадали, что это может значить, и расшифровали как масло сливовых косточек. Ты ведь это заказывала?

До Девочки дошло, и она долго и хрипло смеялась, а Любимая в аптеке сердилась.

— Так, хватит ржать там! Нету этого масла. Может, какое-то другое взять?

Просмеявшись, Девочка сказала:

— Зай... Посмотри в список. После «слив» точка стоит?

— Ну, стоит, и что?

— А то, что это сокращение.

— Да я уж поняла, не тупая!

В голосе Любимой явно слышалось раздражение, но Девочка снова не удержалась — фыркнула.

— Солнышко, не сердись... «Слив» — это «сливочное». Для бутербродов. И его продают в магазине, а не в аптеке. Так что это ещё вопрос, у кого из нас тупняк.

После драматической паузы на том конце линии послышался не то всхлип, не то хрюк.

— Так, всё, — сказала Любимая. — Заработалась совсем, капец... И ты меня со своей маслотерапией с толку сбила!.. — И обратилась к кому-то рядом: — Девушка, всё, не надо уже... Ошибочка вышла.

— Придётся тебе возвращаться в магазин за сливочным маслом, — хрипло хихикнула Девочка.

— Самое смешное — его-то я как раз уже купила, — сказала Любимая. — На автопилоте, наверно. Ладно, скоро буду дома.

А пока она ехала домой сквозь пургу и вечерние пробки, Девочка набрала в поисковике «свойства масла сливовых косточек». Надо будет попробовать...

ДЫНЬКИ

Одной Девочке захотелось арбуза. А лето было в самом разгаре — бродило, как в одной старой песне, по закоулкам. И нахальное до безобразия: так и норовило раздеть девушек солнечными лучами, нагнетая жару и заставляя стремиться в одежде к минимуму. При мыслях о прохладной, сахаристой, сочной мякоти арбуза у Девочки текли слюнки; всю рабочую неделю она ездила мимо рынка, где эти полосатые огромные красавцы кучами грелись на солнышке. И в пятницу она не выдержала — вышла из маршрутки на остановке «Рынок» и устремилась к одной из таких куч.

Желающих полакомиться было немало, и ей пришлось встать в очередь. Арбузы расхватывали, как горячие пирожки, некоторые покупатели брали даже по два — кто мог унести.

— Кто крайний? — раздался вопрос.

К очереди подошла Любимая. Вернее, Девочка тогда ещё не знала, что эта незнакомка в стильных белых брюках со стрелками займёт такое важное место в её жизни, поэтому обладательница короткой стрижки и звякающих ключей от машины пока была для неё лишь «за мной будете». Незнакомка кивнула и приняла телефонный звонок. Девочка не вслушивалась в чужой разговор, она предвкушала, как приедет домой, охладит хорошенько арбуз и насладится им сполна.

Раскалившийся за день город дышал жаром, от асфальта исходило тёплое марево. Девочка изнывала, обмахиваясь платочком и вытирая лоб. А незнакомка закончила разговор по телефону и сказала:

— Ничего себе так дыньки, в самый раз.

При этом её взгляд, как показалось Девочке, был устремлён ей прямо в декольте. Девочку охватил пульсирующий жар, на щеках можно было готовить яичницу... Кажется, она расстегнула лишнюю пуговицу на блузке.

— Что? — возмущённо пискнула Девочка, а пальцы поспешно засуетились, застёгивая.

— Да я думаю, может, лучше дыню взять? — пояснила незнакомка, кивая в сторону душистых овальных плодов, которые жизнерадостно желтели рядом с арбузами.

Девочка только пожала плечами. Возмущение скукоживалось, как проколотый воздушный шарик. Вместо жара её теперь охватили прохладные мурашки. «Померещится же такое! — думала она. — Да уж,

каждый понимает в меру своей испорченности...»

А может, всё потому, что после расставания с её подругой прошёл уже год, и тоска с одиночеством ненасытными зверями грызли ей сердце? Тут и не такое померещится... А между тем подошла её очередь, и Девочка выбрала не слишком большой арбуз, чтоб нести было не так тяжело. Сунув руку в сумочку, она похолодела: а кошелек-то след простыл. Может, на работе оставила? Да нет, с какой стати... Или вытащили в рыночной толкучке? Девочка покосилась на незнакомку в белых брюках. С виду вроде приличная, зачем ей чужие кошельки...

— Дэвушка, платит будэм? — торопил продавец с монобровью.

— Ерунда какая-то, — нервно засмеялась Девочка. — Кажется, я потеряла кошелёк!

Монобровь игриво задёргалась:

— Нэт проблэм, отдам бэсплатно! Тэлэфончик только свой скажи, красауыца!

— Нет уж, лучше в другой раз за арбузом зайду, — пробормотала расстроенная Девочка.

И вдруг Незнакомка в белых брюках протянула продавцу деньги.

— Я плачу.

Девочка стала отказываться, но Незнакомка настояла. Себе она купила дыню.

— Спасибо большое, я отдам деньги, — нервничала Девочка, запихивая арбуз в пакет. — Давайте, на телефон вам положу? Скажите только номер...

Арбуз, полосатая зараза, никак не хотел лезть в пакет: тот оказался для него маловат.

— Да пустяки, — улыбнулась Незнакомка. — Давайте, подержу.

Они стали запихивать арбуз вдвоём, в итоге пакет порвался.

— Ну вот, как же я теперь его потащу? В охалке, что ли? — досадливо простонала Девочка.

— Сделаем так, — предложила Незнакомка. — Я подвезу вас, вы угостите меня кофе или чаем, и никаких денег не надо.

Девочка согласилась. В машине у Незнакомки работал кондиционер, и после одуряющей жары приятно было очутиться в прохладном салоне. Арбуз с дыней ехали на заднем сиденье, прислонившись друг к другу, как два закадычных приятеля, а Девочка, доставая очередной бумажный платочек, вдруг обнаружила свой кошелёк — на самом дне, под свёрнутым зонтиком.

— У меня не сумка, а Бермудский треугольник! — засмеялась она,

извлекая на свет божий находку. — Совсем как в анекдотах про дамские сумочки!

— Ну, вот и славно, — сказала Незнакомка.

Деньги принимать она всё-таки категорически отказалась, пришлось поить её чаем. После чая они разрезали арбуз, который оказался спелым и вкусным. Девочка узнала, что работает гостья стоматологом в частной клинике; с ней было легко, просто и уютно, словно они знали друг друга уже тысячу лет... Стоя у окна, они откусывали по очереди от одного арбузного ломтика, и гостья, молча взяв Девочку за руку, посмотрела ей в глаза. И сердце запищало: «SOS... Я влипло, я попало!»

Гостья уехала, а её дыня осталась на кухонном столе. Девочка спешно набрала её номер.

— Ты дыню у меня забыла! — засмеялась она, подставляя лицо потокам тёплого вечернего воздуха, лившегося в кухонное окно.

Голос из динамика бархатно улыбнулся:

— Значит, у меня есть повод вернуться. Как насчёт завтра?

— Хорошо... Завтра, — чуть слышно пролепетала Девочка, а в груди щемило от сладостного волнения. И спросила: — Слушай, а про дыньки... ну те, которые «в самый раз»... Ты что имела в виду?

— Вот завтра и узнаешь, — ласково дохнул золотистый вечер, обнимая плечи Девочки шелестом клёнов под окном.

Душевный подход

Решила Одна Девочка заняться выпечкой. Начитавшись ругательных статей про магазинный хлеб, она задумалась о том, чтобы приготовить его самой. Рецептов в интернете — тьма-тьмущая, бери да делай, коли руки из правильного места растут. У Девочки они росли вроде бы из плеч... Да, точно, из плеч, ну и готовить она как будто умела. Почему бы не побаловать себя и Любимую вкусным домашним хлебушком?

А тут ей попался в одном из рецептов такой совет: хлеб, дескать, с любовью печь надобно, в хорошем настроении. И разговаривать с тестом обязательно! Мол, этак оно тёплую энергию любви впитает, и хлеб получится особенно вкусным и добрым. Прочла Девочка это и намотала на ус. Ну, то есть, усов у неё, конечно, не было; однако она ж не виновата в том, что в русском языке таковые речевые обороты имеются!

Выбор её пал на отрубной хлеб. Отруби — штука полезная, пищеварению помогают. И вот сделала она опару, как написано в рецепте: стакан муки, стакан тёплой воды, дрожжи.

— Ты, опара, поднимайся, — приговаривала Девочка, помня о том, что в процессе приготовления надо дружески беседовать с тестом. — Хлеб, хорошим получайся!

Оставив опару в тёплом месте, она пошла заниматься своими делами. А если уж совсем по правде сказать, то села к компьютеру — и давай на форуме общаться! Тем много, все интересные, клавиатура так и щёлкала, раскаляясь. Девочки — такие Девочки...

А у Любимой по случаю субботы был короткий рабочий день, и пришла она домой раньше обычного, удивив Девочку букетом цветов.

— Ой, это мне? — обрадовалась Девочка.

— А тут кроме тебя ещё кто-то живёт? — усмехнулась Любимая.

Пришла она в хорошем настроении, и на Девочку у неё сегодня явно были планы. Девочка это сразу почувствовала, да и как тут не почувствуешь, когда руки Любимой начали шалить, щекоча и забираясь во все укромные местечки?

— М-м, и что мы готовим? — мурлыкнула она Девочке на ухо, обнимая её сзади.

А та в это время добавляла в поднявшуюся опару оставшиеся ингредиенты, приговаривая:

— Хорошее тесто, хороший будет хлебушек! Вот мешу... месю... то

есть, вымешиваю я тебя, любовь свою отдаю. Уж ты получишь вкусным и удачным!

Любимая хмыкнула:

— С какой это стати ты с неодушевлёнными вещами разговариваешь?

— А с такой! В рецепте написано, что с хлебом надо говорить, — сказала Девочка.

— Ну, может, там пошутили просто? — Любимая щекотала ей губами шею, а её руки скользили уже ниже талии. — Рецепты тоже с юмором бывают.

— Это рецепт из старинной поваренной книги, — назидательно подняла палец Девочка. — Раньше, в старину-то, душевнее готовили! Не то, что сейчас! Спешим мы, торопимся, всё на скорую руку... И готовим впопыхах, и едим тоже. Какая может быть от такой еды польза?

— А-а, ну если старинная, тогда ладно, — усмехнулась Любимая.

Девочка оставила тесто подниматься и позволила рукам Любимой увлечь себя в постель. Вернее, сначала в душ, где под тёплыми струями воды их губы встречались в страстных поцелуях, а уж потом, на взводе всех чувств, на кровать. Ну, а что? Тесту всё равно часа полтора надо подниматься, почему бы не посвятить это время любви? Это вполне соответствовало духу старинного рецепта.

— Ох, уфф, ах! — вздыхала Девочка в пылу страсти.

— Пых, пых, — фырчал кто-то на кухне.

Любимая насторожилась:

— Это кто там пыхтит?

— Тесто!!! — подорвалась Девочка.

Как была, голышом, она метнулась в кухню. Тесто выпирало из кастрюли и лезло через край — пускало из-под плёнки тягучие щупальца, словно какое-то живое чудо-юдо. Смочив руки, Девочка принялась заталкивать его обратно и обминать, а тесто сердито фыркало:

— Пфф, пфф!

— Ну, не сердись, моё хорошее, моё вкусное, — ласково увещевала Девочка. — Вот так, обратно в кастрюльку залезай, не пыхти и не ворчи! Ты же доброе, хорошее, мягкое!

По рецепту тесту следовало дать подойти три раза, считая опару. Девочка предстала перед Любимой в кокетливом фартучке на голое тело.

— Ну что, продолжим? — соблазнительно изгибаясь у дверного косяка, томно простионала она.

— Ты рисковала, — усмехнулась Любимая. — Ещё немного ожидания — и у меня бы всё упало!

Любовное действие продолжилось. Любимая зубами развязала узел фартучка, сорвала его с Девочки и бросила её на постель. Лаская грудь Девочки, она приговаривала:

— Вы мои сисечки, хорошие, красивые... Как я вас сейчас расцелую, изомну, покусая!

— Ты чего это? — фыркнула Девочка.

— Ну так... Твой же подход использую, душевный, — ответила Любимая. И продолжила, устремляясь ласкающими пальцами вниз: — Ты моя попонька, булочки мои сдобные, ррр-ммм! — Её губы защекотали кожу влажным касанием, спускаясь ниже пупка: — Ты моя пи...

— А-а-а-ха-ха-хаааа! — проскулила Девочка, извиваясь. — Ты хочешь, чтоб вместо оргазма у меня живот от смеха лопнул?! Нельзя превращать секс в ржач!..

— Сейчас я тебя зажарю, оладушка моя, — прорычала Любимая, не обращая внимания на визг и переходя к решительным действиям.

И хлеб, и секс удались на славу, не нанеся ущерба качеству друг друга. Вынув из духовки румяные круглые булочки (не свои, конечно!), Девочка накрыла их для «отдыха», а вскоре они с Любимой валялись в постели и жевали бутерброды из свежего, ещё чуть тёплого хлеба — с маслом и сахаром, как в далёком детстве. Это было особенно вкусно под чтение распечатанных на принтере рецептов из старинной книги.

«Пирог с смородиной.

Взять по фунту горького и сладкого миндаля, очистить его и истолочь мелко, с двух цитронов корку обтереть и вместе в горшок или большое каменное глубокое блюдо положить, восемнадцать яичных желтков один за одним с тем же смешать, а потом по рассмотрению хорошую мерку вареной в сахаре смородины, которую сперва немного подогреть должно, чтобы порозжизла, белки яичные сбить в густую пену и с смородиной туда же примешать и так в приготовленную форму вылить и испечь. Должно смородину прежде яичных белков положить и отведать, довольно ли сладок раствор будет; и буде кисловат, то примешать мелко тертого сахара, чтоб довольно сладок был прежде, нежели белок туда положится.

Делается такой пирог и с свежей смородиной, но ее сварить должно, чтоб была в самом густом сиропе, как и впрок варится, да паки от сиропу отделить и простудить.

Кто не отважится такой пирог в форме испечь, тот

сделай дно или лепешку с хорошими закраинами из крупитчатого теста и в нем раствор испеки, то также будет хорош; и когда вышеобъявленная мера раствору покажется кому велика, тот может всего того по половине или по третьей доле взять».

Искорка

Подумал однажды Автор, что истории из жизни Одной Девочки — всё про еду да про еду, и решил ради разнообразия написать о чём-то другом. Вот, например, о том, как Одна Девочка над Любимой подшучивала.

В воскресный зимний денёк зависала Любимая за компьютером, а Девочке хотелось внимания, ласки и нежности. Настроение у неё было радостное и легкомысленное, тем более что денёк выдался совсем как у Пушкина — «мороз и солнце». Все деревья стояли, точно сахарными кристаллами обросшие, и блестело всё это так, что смотреть больно.

— Зай, ну пойдём, чайку попьём, — попыталась Девочка отвлечь Любимую.

Склонившись к её уху и ласково мурлыча, она глянула на монитор. Там было что-то ужасно-нудно-зубоврачебное, заумно-научное, одним словом — специальная литература, в чтение которой Любимая погрузилась по уши и никак не хотела вынырнуть хотя бы на пять минуточек.

— Завари, принеси сюда, — промычала она, не отрываясь от текста на экране.

Девочка надулась, но принесла Любимой кружку ароматного чая с бергамотом, а ещё горячие творожно-сырные бутерброды, приготовленные с любовью и нежностью. Поставив всё это и присев на корточки у стола, Девочка вскинула на Любимую полные щенячьей верности и мольбы глаза.

— Вкусно?

Любимая, откусив хрустящий бутерброд и прихлебнув чай, буркнула:

— Да, малыш, спасибо.

А на Девочку — ноль внимания. Обидно!

В общем, как Девочка ни старалась отвлечь Любимую, у неё ничего не выходило. Пропадал чудесный денёк, осыпалось с веток морозное кружево... Ну, что поделать! Если это было нужно Любимой для работы, то, наверно, стоило с этим смириться. Или?..

— Я в ванную, — предупредила Девочка.

— Угу.

Включив для достоверности воду, Девочка уселась на край ванны и набрала с мобильного собственный номер — домашний. Раздался звонок стационарного телефона. Любимая, помня, что Девочка в ванной и подойти не может, встала-таки из-за компьютера и сняла трубку.

— Да!

— Привет, — хихикнула Девочка.

— Это кто? — сперва не поняла Любимая.

— Не узнаёшь? Богатой буду, — засмеялась Девочка. — Зай, я тебя люблю. Очень-очень-очень.

— Так это ты, что ли, балуешься? — фыркнула Любимая. — Детский сад, блин!

И бросила трубку. Девочка вздохнула, выключила воду и осталась сидеть на краю ванны, уронив руки на колени и грустно поникнув головой.

Дверь открылась, Девочка вскинула глаза: Любимая стояла на пороге. Что-то изменилось в её взгляде, в глубине зрачков мерцали ласковые искорки. Склонившись, Любимая прильнула к губам Девочки тёплым и крепким поцелуем.

— Я тебя тоже люблю, маленький. Подожди ещё часик, мне там кое-что дочитать надо. Потом сходим, погуляем.

Сердце ликующе застучало в груди, Девочка обняла Любимую за шею, поднялась на ноги, и поцелуи продолжились. Может быть, она и впрямь вела себя сейчас, как ребёнок. Скорее всего, Любимая права: детский сад, штаны на лямках... Но так хотелось провести этот чудесный день вместе! Душа в душу.

Чмокнув Девочку напоследок, Любимая ушла дочитывать, а та, наполненная тихой радостью, заварила себе чай и присела у кухонного окна. Любуясь сверкающим нарядом клёнов, она ждала. Совсем как в детстве: так она дожидалась, когда папа дочитает наконец свою газету и поиграет с ней. Сейчас она выросла, но эта детская искорка, наверно, в ней осталась. Искорка инея, падающая с ветки и сверкающая на солнце.

Бабушкины пирожки

Пришла однажды Одна Девочка в гости к своей Бабушке. Бабушка у неё была самая обычная, в старых добрых традициях: седая, с добрым морщинистым лицом и светлыми глазами, в собственноручно сшитом фартуке и всегда пахнущая пирожками. Уж и пирожки у Бабушки были — объеденье! Пышные, румяные, начнёшь есть — не оторвёшься, а Бабуля ещё и с собой завернёт. Любила она это дело — гостей кормить.

Вот и в этот раз обрадовалась она внучке, усадила за стол — и как давай угощать! А пирожки-то все разные, и всех хочется попробовать: с печёнкой, с картошкой, с капустой и самые любимые — с яблоками и корицей. Налила Бабушка Девочке большую кружку молока и потчует:

— Ешь, ешь, внученька!.. Исхудала как! Всё на своих диетах сидишь, мучаешь себя?

Диет Бабушка не одобряла: считала, что кушать надо всё, но понемножку, без фанатизма. Пекла-жарила-варила как на целую роту солдат, а сама клевала, как пташка. И всю жизнь была маленькая и стройная, как деревце. Покойный Дедушка её всегда называл: «Бабулёк — стройный тополёк». Умер Дедушка уже давно — Девочка тогда ещё в старших классах училась. Только и радости осталось Бабушке — гостей принимать. Сама жила на скромную пенсию, а всё норовила внучке денежку подсунуть — на помаду.

— Помада на женщине всегда должна быть, — говорила она. — Без помады лицо — как будто не одетое.

На серванте стоял аккуратный рядок фотографий в рамках. Девочка больше всего любила одно фото — Бабушкин художественный портрет, снятый в фотоателье. Конечно, чёрно-белый... Но какая Бабуля была на нём красавица! Молодая, изящная, большеглазая, с пышной короной волос, убранных по моде пятидесятых годов. Девочка ещё ребёнком любила глядеться в зеркало, при этом сравнивая себя с Бабушкой и находя, что они очень похожи. Особенно глазами. Глаза у Девочки были Бабушкины — такие же большие, блестящие, с кокетливой искоркой.

Работала Бабушка школьной учительницей — всю жизнь, с молодых лет и до самой пенсии. Конечно, не зарабатывала много, но одевалась всегда опрятно и элегантно. Приходя к ней в гости, Девочка обожала рыться в Бабулином шкафу и разглядывать её платья, блузочки, костюмы. Каким восхитительно красивым Бабушкин гардероб казался маленькой

Девочке! Особенно ей нравились два костюмчика-двойки: один — светлый, нежно-сиреневый с белыми пуговицами, второй — розовый с золотистыми. Тогда Девочка ещё не знала слова «фуксия», поэтому считала этот костюм розовым. А как пахло в шкафу! Бабушка всегда перекладывала бельё кусками необычайно душистого мыла, и его свежий, немного чопорный аромат пропитывал все простыни, полотенца и наволочки. Девочке очень нравилось ночевать у Бабушки: искупавшись в ванне, она ложилась в постель, застеленную безупречно отутюженным бельём, пахнувшим этой старомодной мыльной свежестью и чистотой. Мыло было старым, ещё советского производства. Оно лежало в шкафу годами, но до сих пор пахло! Казалось, время над ним было вообще не властно. Стоило открыть дверцу, как аромат сразу окутывал Девочку нежным облачком. А в отделении для одежды Бабуля раскладывала саше с сухими духами. Они пахли лавандой.

Перебирала Девочка в детстве и Бабушкину косметику. Бабуля хранила флакон «Красной Москвы», который подарил ей Дед на юбилей. Духи уже изменили запах, загустели, но она всё равно берегла их как память.

Особенно чаровали Девочку фарфоровые статуэтки — Ивана с Жар-птицей и лыжника-пионера. Они красовались на том же серванте рядом с фотографиями. Жар-птица, окутывая Ивана своим золотым хвостом, устремлялась вверх, точно ракета, а парень пытался её удержать в руках; в лыжнике Девочку поражало то, что он съезжал с горки в тулупчике нараспашку, сияя своим алым галстуком. Зима же, как ему не холодно?!..

Дедушка до выхода на пенсию работал инженером дорожного строительства. Он был старше бабушки и женился на ней уже будучи вдовцом со взрослыми детьми; родного деда Девочка не помнила, он умер ещё до её рождения, а Бабуля вышла замуж второй раз, когда ей было уже за пятьдесят. Всю Великую Отечественную Дедушка провоевал лётчиком. Сколько Девочка себя помнила, он всегда играл на гитаре, а потому был душой компании. На семейных застольях вокруг него собирались женщины и пели. Особенно голосистой была Бабушка и её сёстры: пели они высоко, серебристо, тоненько, почти по-девичьи.

Теперь уж Бабушкиных сестёр не было в живых, а Дедушкина гитара с красным капроновым бантом, навсегда смолкшая, висела на стене.

...Сколько лет прошло — а у Бабушки ничего не изменилось. Наевшись пирожков с молоком, Девочка снова, как в детстве, разглядывала старые фото, открывала скрипучие дверцы шкафа и вдыхала запах белья, прикрытого кружевной накидкой... А Бабушка ей:

— Присядь ты уже, отдохни, чего крутишься?

Девочка села на диван. Как хорошо, как уютно ей было здесь! Взгляд

упал на Дедушкину гитару. Жаль, её струны уже не зазвучат: некому играть... А за дверью вдруг показалась призрачная фигура, которая почему-то не входила в комнату, а наблюдала сквозь рельефное дверное стекло. Девочка её сразу узнала и сказала:

— Бабуль, там Дедушка. Открой ему, он, наверно, хочет войти!

Бабушка цокнула языком (внучка тоже так делала порой, когда увиденное или услышанное удивляло или слегка возмущало её). Встав, она сама просочилась сквозь дверь — на ту сторону, к Деду.

— Дед, ты чего там мельтешишь? Нормально зайти не можешь, что ли?

А Дедушка в ответ:

— Дык это... Я подтяжками от штанов за дверную ручку зацепился!

Бабуля вздохнула:

— Дед, ну что ты мелешь! Какое «зацепился»? Какие подтяжки? — И просунула руку сквозь дверь. — Вот, видал? Мы же сквозь стены ходим! Болтун...

Ну да, призрачные подтяжки спокойно прошли бы сквозь ручку. Оба старичка засмеялись. Дед и при жизни любил пошутить, и сейчас сохранил чувство юмора. Правда, оно стало немного специфическое, призрачное.

За усеянным дождевыми капельками окном брезжило сумрачное воскресное утро. Рядом посапывала Любимая, а Девочка, сев в постели, обхватила колени и ещё долго прокручивала в голове образы только что привидевшегося сна. Вспоминались ей Бабушкины руки — миниатюрные, покрытые старческими коричневыми пятнышками... И пена в ванне, и пахнувшая свежестью наволочка. Как и Деда, Бабушки уже давно не было среди живых. Одна только деталь не укладывалась в голове: если Бабушка была призраком, как пирожки могли быть настоящими? Ведь Девочка ела их и чувствовала вкус — знакомый и с детства любимый. И приятная, тёплая тяжесть в желудке казалась вполне материальной.

«Сон и есть сон, — подумала Девочка. — Поди, пойми его логику...»

Любимая сопела на соседней подушке, такая трогательная во сне...

«Испеку-ка я пирожки. Яблочные, с корицей», — решила Девочка, выскальзывая из постели.

Уж они-то точно будут настоящими.

Последний кусочек весны

Любимая уезжала на неделю. На целую майскую неделю, чудесно-сиреневую, белоснежно-черёмуховую. Эту дивную неделю они с Девочкой могли бы провести вместе, гуляя в цветущем парке и наслаждаясь хмелем весеннего воздуха, но — увы. Вместо этого грустная Девочка провожала Любимую на поезд, а в груди у неё щемило так, будто они расставались по меньшей мере навсегда.

Девочка и представить себе не могла, что начнёт скучать уже на вокзале, уткнувшись в родное плечо.

— Ну чего ты? — утешала её Любимая. — Я уже в следующее воскресенье буду дома.

Она ещё не уехала, а сердце Девочки уже рвалось из груди — вдаль, по сверкающим на солнце рельсам. Нудно-неразборчивый женский голос пробубнил:

— Поезд тыр-быр-быр отправляется с...его пути.

Девочка встрепенулась:

— Это не твой? С какого-какого пути?

Любимая каким-то образом всё расслышала и ответила:

— Нет, не мой. Постой-ка тут, я сейчас.

Она оставила Девочку сторожить большую спортивную сумку с вещами, а сама куда-то исчезла. Озадаченной Девочке оставалось только озираться в ожидании, вслушиваясь в монотонный бубнёж тётеньки, объявлявшей прибытие и отправку поездов. Любимая куда-то пропала...

— Ну куда же она делась? — покрываясь мурашками, беспокоилась задняя интуиция.

— Опоздает на поезд! — вторила ей тревога, раздражаясь нытьём где-то в желудке.

— Торчу тут с сумкой, как идиотка, — ворчал внутренний голос.

— Не смей меня грызть! — в ужасе завопил маникюр.

Тётя-бубнильщица объявила очередной поезд, и задняя интуиция обречённо похолодела:

— А вот это наш... Где же она?

Любимая уже мчалась к Девочке с букетом белой сирени. Наверно, наломала её в привокзальном сквере... Сердце сразу растаяло, как мороженое на жаре, а к глазам подступили слёзы.

— Это тебе... Не грусти. — И Любимая чмокнула Девочку в щёку.

Девочка зарылась носом в кружевные, чарующе-нежно пахнущие грозди сирени и улыбнулась с увлажнившимися глазами.

— Твой поезд объявили! — спохватилась она.

Любимая подхватила сумку, и они побежали к поезду. Лязгающая, тяжело дышащая махина увезла Любимую, и Девочка осталась одна, сиротливо прижимая к себе букет сирени...

Напрасно май оплетал кружевными накидками яблони, разбрасывал золотые пригоршни солнечных зайчиков по зелёным газонам, осыпал белоснежным цветом аллеи. Девочку не радовала весна. Она чуть ли не ежеминутно смотрела на дисплей телефона — ждала письма. И только когда в электронной почте появлялось заветное послание, сердце озарялось светом, и грусть отступала. Бросив все дела, Девочка принималась строчить ответ, где бы весточка от Любимой её ни настигала — иногда даже посреди улицы.

«Бабушке сделали операцию, всё нормально», — прочла Девочка. И ответила:

«Слава Богу. Я люблю тебя, зай. Скучаю».

Вскоре пришёл чмокающий и пускающий губами красные сердечки смайлик.

«И я тебя люблю, солнышко».

И вот настало долгожданное воскресенье. Точнее, оно обрушилось на заспанную Девочку свежим весенним громом: она не услышала будильник, поставленный на шесть тридцать, и проснулась в семь. А поезд Любимой прибывал в восемь... За час накраситься, одеться, доехать до вокзала?

— «Я знаю точно, невозможное возможно», — нервно напевала Девочка, носясь ураганом по квартире.

Кофе с бутербродом? К чёрту, некогда! Девочка вылетела из дома, цокая каблуками босоножек по асфальту, и тревожно посмотрела в затянутое тучами небо, обещавшее дождь. Добежать бы до остановки, не вымокнув... В автобусе ей отдал ногу здоровенный потный дядька, от которого пахло копчёной колбасой с чесноком. Держась одной рукой за поручень, она рассчиталась за проезд заранее приготовленной, согревшейся в кулаке мелочью.

Едва её нога ступила на асфальт, как его серая поверхность начала покрываться тёмными влажными точками... Капельки прохладно падали на голову и плечи. Девочка принялась рыться в сумочке, но этот бермудский треугольник подсовывал ей что угодно, только не зонтик. Без двух минут восемь... Успела!

Лёгкое платьице облепило тело, собранные в хвост волосы мокрой

паклей липли к лопаткам.

— Что эта тётка пробубнила? На какой путь прибывает поезд? — негодовали уши.

— Мы не кузнечные меха, дай дух перевести, — горели от беготни лёгкие.

— Зря ты не разносила нас заранее, ох зря, — коварно намекнули новые босоножки...

Каким-то чудом вымокшая до нитки Девочка нашла тот самый поезд. Сердце снова рвалось из груди, но уже радостно, в предвкушении встречи. Из вагона вышла Любимая с сумкой на плече — в джинсах и в рубашке поверх белой футболки, такая бесконечно родная... Окинув Девочку тёплым взглядом, она улыбнулась:

— Ты такая сексуальная в этом платье...

Прилипшая к коже мокрая ткань предательски выдавала отсутствие лифчика. Вот что значит собираться впопыхах... Влажные от дождя щёки Девочки вспыхнули смущённым румянцем, а Любимая добила её, раскрыв над её головой зонтик.

— Так-то лучше, — сказала она с янтарными смешинками в глазах.

Пока Девочка тщетно рылась в сумочке, зонтик всё время болтался у неё на руке, подвешенный за петельку.

Домой они приехали на такси. Девочка полезла в свой компактный «бермудский треугольник», чтобы расплатиться с водителем, но вместо кошелька достала из кармашка лифчик.

КАК?..

— А вот так, — сказала суматошное утро и показало ей картинку: кошелёк и лифчик рядом на тумбочке. Мол, какую пилюлю ты выбираешь, Нео? И Нео выбрал. А главное, заботливо достал и приготовил деньги за проезд, чтоб не возиться потом в автобусе...

Девочка сконфуженно заслонилась ладонью и не видела, как Любимая с улыбкой протянула посмеивающемуся таксисту деньги.

От весны оставалось совсем немного — последний кусочек.

Минута славы

Одна Девочка посмотрела фильм про Джеймса Бонда — «Координаты «Скайфолл»». И так ей задал в душу саундтрек, что на следующий день после просмотра она скачала эту песню из интернета и нашла слова. И началось... Забросив файл себе в телефон, она слушала и слушала песню без конца. Шла на работу — просто слушала в наушниках, шла с работы — слушала и уже немножко подвывала. Английский Девочка учила, в школе и в университете у неё по нему даже была четвёрка. И не натянутая, а твёрдая такая, честная.

А петь Девочка любила. В караоке-баре она неизменно получала сто баллов и оценку «вы поёте великолепно». Над произношением она тоже работала старательно, добиваясь полного соответствия оригиналу — в общем, подходила к делу основательно. Вот и сейчас, протирая книжные полки и пританцовывая в наушниках, она выпевала:

— Let the sky fa-a-a-all... When it crumbl-l-l-les...

При этом она подражала слегка мяукающей манере певицы, тянула согласные — «this is the en-n-n-nd, hold your breath and coun-n-nt to ten-n-n-p», а тряпочка порхала по мебели, наводя блеск и порядок. Сегодня у Девочки был выходной, солнце щедро и ярко лилось в окна, наполняя её энергичным, пружинистым, радостным и светлым настроением.

— Let the sky fa-a-a-all... When it crumbl-l-l-les... — подпевала она. Чёрные пуговицы наушников торчали в ушах, а телефон оттягивал карман домашнего халатика.

Под музыку уборка шла гораздо быстрее и веселее. Перегнувшись через край ванны и надраивая её до блеска, Девочка тянула:

— We will stand t-a-a-all... And face it a-a-all... together...

Петь кверху пятой точкой было не очень удобно, зато ванна служила отличным резонатором, усиливая звук. Вспененная моющим средством вода утекала, заворачиваясь воронкой.

— Гыррр, — отрыгнуло сливное отверстие, вклиниваясь в вокальные упражнения Девочки самым бесцеремонным и неблагозвучным образом.

— Уфф! — Девочка выпрямилась, тыльной стороной перчатки вытерла лоб и окинула сверкающую ванну удовлетворённым взглядом.

— Скрип, — тихонько сказала поясница.

— Да, старость — не в радость, хе-хе, — пошутила Девочка, разминая спину.

До старости ей было, конечно, ещё далеко. Из зеркала на неё смотрела молодая и симпатичная, слегка растрёпанная и покрасневшая особа в коротеньком халате и хозяйственных перчатках. Девочка подмигнула своему отражению.

Любимая была на работе. В порыве домовитости Девочка принялась за приготовление ужина к её приходу. Подпевая, она достала два тяжёлых и сочных, ярко-розовых стейка из сёмги, густо покрыла сметанным соусом с душистыми травами и отправила запекаться в духовку.

— You may have my numbe-e-er... — мурлыкала она.

Вычищенная и отмытая квартира наполнилась вкусными ароматами, а Девочка решила, что после такой усердной домашней работы неплохо бы освежиться. Положив телефон на полочку в ванной и отсоединив наушники, она снова включила трек, прокрученный ею сегодня уже раз сто. Звук из маленького телефонного динамика был плосковат, но Девочке и этого хватало для её упражнений. Намыливаясь, она вовсю пела, а когда пена потекла по коже, смываемая тёплыми струями воды, Девочка заголосила во всё горло:

— Let the sky fa-a-a-all!!! When it crumbl-l-l-les!..

Так она распевала от души, воображая себя даже не Аделью, а самой Уитни Хьюстон, и ванная комната радовала её хорошей акустикой. Завершив песню оглушительной долгой нотой, Девочка обернулась полотенцем и вышла — соблазнительная, благоухающая гелем для душа, с тюрбаном на голове. И застыла, едва переступив порог: оказалось, дома она была уже не одна, её песнопения внимательно слушали Любимая и зашедшая в гости Мама, причём сидя на стульях, будто в концертном зале. Любимая встретила Девочку аплодисментами и шутливо обратилась к Маме:

— Я говорю «да». А что скажете вы, Анна Дмитриевна?

— Однозначно, «да», — в тон ей ответила Мама.

Сконфуженная Девочка буркнула что-то вроде «да ну вас» и проскользнула в комнату. В караоке она петь не стеснялась, а сейчас, застигнутая врасплох, почему-то вспыхнула отчаянным малиновым румянцем до самых ушей.

Вот такая получилась нечаянная «Минута славы». На всякий случай Девочка решила в душе больше не петь. Ну, по крайней мере, так громко.

Мамин день рождения

А Мама, между прочим, заходила в гости не просто так. Через неделю у неё был юбилей — пятьдесят лет. Впрочем, при взгляде на неё такая солидная цифра даже не приходила в голову: все давали ей от силы тридцать семь — сорок. Мама была яркой, эффектной женщиной, натуральной блондинкой с большими голубыми глазами и после развода с Отцом недостатка в мужском внимании не испытывала. Засматривались на неё джентльмены самых разных возрастов, вот только она почему-то не торопилась устраивать свою личную жизнь. Сначала она отговаривалась тем, что больше не верит мужчинам, потом не хотела приводить домой «чужого дядю», который мог не поладить с дочерью, а потом... Потом Девочка уже как-то и привыкла к образу Мама — красивой, но одинокой леди.

А тут Мама вдруг расцвела, похорошела и даже как будто помолодела. На вопросы дочери она то отшучивалась, то отмалчивалась — по всему видно, не хотела сглазить. А Девочка, заходя к Маме в гости, замечала то коробку конфет, то букет, то два бокала на столе... То, что Мама с кем-то встречалась, было видно невооружённым глазом.

Смущённо улыбаясь и блестя светлыми искорками в глазах, Мама сказала:

— Большой праздник по поводу своего юбилея я устраивать не буду, посидим узким семейным кругом... На работе меня поздравят, как положено, а вечерком вы ко мне заходите, я пирог испеку. Да, и вот ещё что, — добавила Мама, кокетливо потупившись — сама олицетворённая загадочность. — Придёт ещё один человек, с которым я хочу вас познакомить...

«Наконец-то она решила рассекретить своего кавалера», — подумала Девочка. Впрочем, судя по торжественности и важности, с которой Мама сообщала об этом, там был не просто кавалер, а как минимум претендент на руку и сердце.

— Обязательно зайдём, мам, — пообещала Девочка.

Пообещать-то она пообещала, но где-то на горизонте сознания маячила тревожная мыслишка: а как мамин жених воспримет факт их с Любимой отношений? Девочка напряглась. Это перед чужими людьми можно было «шифроваться», а тут — важный для Мама человек, можно сказать, будущий член семьи... Тут уж шила в мешке не утаишь.

Всю неделю, рыская по магазинам в поисках достойного подарка, Девочка нет-нет да и вспоминала об этом, и мурашки беспокойства ползали по лопаткам. Она даже завела разговор с Любимой на эту тему, но та сказала:

— Не парься, малыш.

И всё.

И вот подарок был куплен, и Девочка с Любимой отправились к Маме. Чудесный, тихий вечер был полон густого золота солнечных лучей, двор встретил их знакомой картиной: на лавочке у подъезда сидели бабушки, а мальчишки гоняли мяч. У Девочки в руках был торт, а Любимая несла пакет с подарком и цветы; вдруг что-то свистнуло в воздухе, и Девочка едва успела героически закрыть собой прозрачную пластиковую коробку со сладким лакомством. Неопознанным летающим объектом оказался мяч. Ударившись о низенький заборчик, он отскочил и подкатился к ногам Девочки... Совсем как в тот памятный день, когда она ходила за лаком для ногтей. И Девочка снова не удержалась: не выпуская из рук торта, пробила по мячу, да так сильно, что тот описал дугу через весь двор и бешеным коlobком стукнул по капоту громоздкого и солидного джипа. Машина истошно завывала сигнализацией. История повторялась в точности...

— Бежим! — схватив Любимую за руку, прошипела Девочка.

Они заскочили в подъезд, и железная дверь спасла их от гнева автовладельца.

— Ну ты даёшь, футболист, — хмыкнула Любимая.

Мама встретила их принаряженная, с причёской и макияжем. В квартире витали вкусные запахи, и рот Девочки наполнился слюной в предвкушении Маминых разносолов.

— Проходите, проходите, мои родные, — растроганно принимая подарок, цветы и торт, захлопотала именинница.

Не успели Девочка с Любимой усесться на диван, как раздался звонок в дверь. Девочка нервно ёрзнула на своём месте, как будто из сиденья выскочила пружина и вонзилась в неё.

— А вот и поклонник Анны Дмитриевны, — шепнула Любимая с усмешкой.

Мама бросилась открывать, на бегу заглянув в зеркало и поправив выбившийся из причёски локон.

— Здравствуй, Ань, с днём рождения тебя, — раздался в прихожей отнюдь не мужской голос.

— Привет, Лана, заходи, — радостно встретила Мама его обладательницу. — Да не разувайся, на улице сухо!.. Ох... Букетище

какой... Спасибо!

Девочка с Любимой переглянулись. Мама, кажется, сказала, что застолье пройдёт в узком семейном кругу: дочь, её возлюбленная и жених... А виновница торжества между тем появилась на пороге комнаты вместе с гостьей — низенькой, сухощавой, в бежевых брюках и белой блузке с короткими рукавами. При ходьбе незнакомка прихрамывала, а массивные мужские часы подчёркивали тонкую кость смуглого запястья. Некрасивая, с острым носом и узкими губами, она казалась совсем тщедушной, но поразила Девочку сочным и звучным голосом — непонятно, откуда такой брался в этом щупленьком теле... Её тёмные с едва заметной проседью волосы были оформлены в короткую стрижку с косым пробором, а цепкий и внимательный взгляд глубоких и блестящих карих глаз немного смутил Девочку. На маленьком, остреньком, скуластом лице гостьи они казались огромными и гипнотическими. Космическими.

— Это Лана, — представила Мама эту хрупкую особу. — Она и есть тот человек, о котором я вам говорила. Мы с ней познакомились на одном форуме в интернете, начали общаться, потом встретились... Влюбились.

— В реальности Аня оказалась ещё прекраснее, чем на фото, — добавила Лана, блеснув мелкими ровными зубами.

— Но дело, конечно, не во внешности, — улыбнулась Мама, обнимая её за плечи и ласково глядя сверху вниз: она была выше своей знакомой на полголовы.

Лана достигла успеха и признания в трёх профессиях — архитектора, художника и фотографа. Она была на десять лет моложе Мамы, но выглядели они ровесницами. Природа не наделила Лану женственной красотой, но она брала другим — мягко очаровывающим обаянием, умом, широкой образованностью, живой и напористой энергией. Словом, харизмой. Будучи хромой с рождения, тростью она никогда не пользовалась: не хотела, чтоб к ней относились как к слабой, ущербной. С Любимой у них завязалась интересная беседа, а у ошеломлённой Девочки пропал дар речи. Впрочем, челюсти не утратили способности жевать, и желудок возрадовался вкусному пирогу с мясом.

— Мамин каминг-аут — это замечательно, но и делом кто-то должен заниматься посреди всего этого ералаша, — пробурчал он.

— Не забываем, что кое-кто тут вообще круглосуточно работает, но не кричит об этом на каждом шагу, — мрачно процедила печень, а жёлчный пузырь молчаливо добавил едкости её словам. — Эй, мозг, не вздумай отдавать рукам команду тянуть в рот алкоголь!..

— Ага, вы прямо все такие деловые! Один я тунеядец, блин! —

саркастически заметил мозг сверху. — Мне тоже надо переварить кое-какую информацию. Я, между прочим, в шоке. Мне надо выпить.

— Мам, так значит, ты... одна из нас? — только и смогла спросить Девочка, вопреки протестам печени осушив бокал вина. — И почему я только сейчас об этом узнаю?

Именинница мягко засмеялась.

— Это было во мне всегда, но я боялась собственной природы, задавливала в себе эти проявления, как могла. В юности я пыталась встречаться с одной девушкой... Но не сложилось, да и времена тогда были другие. Решила жить «правильно», как все. Чтоб как у всех: дом — полная чаша, муж, дети. Но брак развалился, а ты стала для меня вечным напоминанием о том, что я в себе так стремилась искоренить.

Девочке вспомнилось, как в своё время она боялась признаться... А Мама так поразительно легко всё поняла, приняла, не осудила и ничему не удивилась. Девочка думала, что ей просто повезло с Мамой, а оказалось — неспроста...

— Вы, наверно, думаете, что я сошла с ума — в пятьдесят-то лет такое учудила! — со смешком сказала именинница.

— Нет, Анна Дмитриевна, мы так не думаем, — ответила Любимая и за себя, и за Девочку. — Начать жить и любить — никогда не поздно.

— Звучит как тост! — И Лана наполнила бокалы.

А Девочке подумалось, что ещё никогда она не видела Маму такой молодой, красивой и счастливой.

Самая вкусная вода

Однажды Одна Девочка и Любимая делали покупки в супермаркете. Любимая катила тележку, а Девочка складывала туда продукты. Набрала она уже кучу, а если бы они с Любимой поменялись местами, куча была бы раза в три меньше. Но это так, к слову.

Шли они мимо полок с водой. Ровные ряды голубоватых бутылок пестрели разными этикетками, выбирай — не хочу! Просто питьевая и минеральная, с газом и без, с ароматом и без оного... Живая и мёртвая, а также с серебром и прочими маркетинговыми секретными ингредиентами.

— Ух ты! — разбежались глаза.

— Это слишком большой ассортимент! — растерялся мозг. — Как известно, чем шире выбор, тем я сильнее теряюсь.

— Да мне вообще пофиг, — сказал желудок.

— А мне, знаете ли, не всё равно, — возразил ему язык. — Я, знаете ли, различаю воду на вкус.

— Различает он, — проворчал мочевого пузыря. — Что в рот ни лей, на выходе будет одно и то же.

Девочка очень долго, очень внимательно и придирчиво рассматривала полки. Она знала пару марок, которые ей нравились; взять бы их и не мучиться, но... хотелось попробовать что-то новое.

Любимая уже барабанила пальцами по ручке тележки и делала вид, что изучает светильники на потолке.

— Ты долго ещё выбирать будешь? Возьми уже какую-нибудь.

— Мне «какую-нибудь» не надо, — сказала Девочка.

— А какую тебе надо? — с улыбочивой язвинкой спросила Любимая, опасно прищуриваясь.

Опасность состояла в том, что задержись Девочка у полок ещё хоть на минуту — и ласкового волшебного пенделя для ускорения ей не избежать. Ну, шлепка по попке как минимум.

— Мне надо такую, такую мне надо, — ответила Девочка, невозмутимо игнорируя угрозу своей пятой точке.

— Согласна, — одобрила логика.

Любимая начинала проявлять другие признаки нетерпения: притопывала ногой, поглядывала на часы, осматривалась по сторонам с явно скучающим видом.

— Слушай, по-моему, вся вода одинаковая. Из одной бочки, что

называется.

— А вот и нет! — Девочка нацеливалась на бутылку очень изящной формы и с привлекательным дизайном этикетки. Но это — упаковка, а вдруг внутри — бяка? — Она разная на вкус. Если он мне не нравится, ну её нафиг.

— Господи, да вода как вода, — устало вздохнула Любимая.

— Нет, есть вкусная вода, а есть невкусная, — пробормотала Девочка, изучая минеральный состав.

— А что добавляют в воду, чтобы она была вкусная? — изогнула бровь Любимая.

Девочка была занята сопоставлением количества сульфатов, хлоридов и прочих составляющих, а поэтому поняла вопрос в специфическом ключе.

— Ну... Наверно, химические элементы какие-то...

— Нет, солнышко. Чтобы было вкусно, туда добавляют мясо! Овощи! Соль и специи! — Любимая доставала из тележки всё называемое и показывала Девочке. — А ещё зелень и сметану. Борщ называется. И у нас есть все компоненты, так что давай, бери воду и пойдём домой — сделаем её вкусной. Я уже есть хочу.

Фитнес и булочки

Одна Девочка старалась следить за фигурой и быть в форме. Иногда она занималась дома, иногда покупала абонемент в спортзал — смотря по обстоятельствам. Начитавшись статей о пользе ходьбы, она обратила на этот вид нагрузки особое внимание.

Но посещение зала ей не всегда нравилось: то нужные тренажёры заняты, то душно, то другие занимающиеся создавали неудобства... Особенно Девочку бесил Дяденька с пузиком, который больше общался с противоположным полом, чем трудился над уменьшением объёма вышеназванной части своего тела. Вечно потный, с круглой красноватой физиономией, он, вероятно, мнил себя неотразимым мачо. Этот субъект отпускал дурацкие шуточки, над которыми сам же больше всех и смеялся, рассказывал бородатые анекдоты и заигрывал со всеми сколько-нибудь симпатичными посетительницами зала, не исключая и женщин-тренеров. Иногда он, конечно, уделял внимание и тренажёрам, но ясно было, что приходил он сюда не столько ради приобретения атлетической фигуры, сколько ради общения и флирта.

И в зале было на кого посмотреть. Девочка с завистью заглядывалась на круглые, накачанные попки некоторых любителей фитнеса, втайне мечтая добиться таких же соблазнительных форм.

— Ну, как успехи сегодня? Трудимся в поте лица? Качаем булочки? — подкатил к Девочке Дяденька с пузиком.

«Щас бы как дала ему в бубен», — кипятилось раздражение.

«Спокойно, не обращай внимания», — урезонивал здравый смысл.

— Стараемся, — с вежливой улыбкой ответила Девочка.

— Давай, старайся получше, чтоб было за что подержаться! — напутствовал Дяденька, не забыв окинуть выпуклости её фигуры сальным взглядом.

«Сам бы получше старался, — прорычало раздражение. — А то вместо шести кубиков — один большой шарик».

Абонемент истёк, но с оплатой нового у Девочки пока не складывалось: то на одно деньги требовались, то на другое... Она уже подумывала о покупке не самой дорогой механической беговой дорожки, чтобы заниматься любимившейся ходьбой дома, но потом в голову пришла мысль получше: а ведь в десяти минутах пешком от дома — парк.

— Конечно, на свежем воздухе заниматься и полезнее, и приятнее, —

согласилась Любимая.

— Может, вместе походим? — предложила Девочка.

— Я подумаю, — усмехнулась Любимая.

Она посещала другой зал — неподалёку от её стоматологического кабинета.

«Тыц-тыц, тыц-тыц», — в ритме сто двадцать восемь битов в минуту рокотала в наушниках музыка.

«Топ-топ, левой, правой», — маршировали кроссовки.

Это Девочка нарезала круги по аллеям осеннего парка. Опавшие листья разлетались в стороны от её уверенной поступи, букашки в ужасе разбегались, а уж бактериям и микроорганизмам на асфальте приходилось и вовсе несладко. Каждый шаг кроссовок оборачивался концом света для миллионов ни в чём не повинных инфузорий. Грудь дышала, мышцы работали, сердце стучало, и Девочке это нравилось. А вокруг плыло осеннее золото листвы, и даже утренняя прохлада была нипочём: Девочка так разогревалась, что после тренировки хоть выжимай футболку. Прогуливаясь после интенсивной ходьбы, она бросала уткам в пруду крошки фитнес-хлебцев, но птицы не спешили кидаться на угощение. Расположившись чинным рядком на длинной коряге, они даже смотреть в сторону Девочки не хотели, а когда она достала телефон, чтобы сделать несколько красивых кадров, пернатые напустили на себя чванливо-презрительный вид — ни дать ни взять местные знаменитости, уставшие от фотокамер назойливых папарацци.

Ходить на свежем воздухе Девочке очень понравилось; мимо неё пробежали трусцой прочие приверженцы здорового образа жизни, даже пенсионеры бодро шагали, опираясь на подобие лыжных палок — это называлось скандинавской ходьбой. Но вот беда — у осени были другие планы. Похолодало, зачастили дожди, а там и снежок начал пролетать. Постепенно с аллей исчезли бегуны, да и желающих просто погулять стало очень мало. Самыми упорными и погодоустойчивыми оказались Девочка и ещё пара старичков с «лыжными» палками. Они выполняли утренний моцион, одевшись потеплее и не обращая внимания на лёгкий морозец или летящий в лицо снег. Встречаясь на аллее, они с Девочкой всегда приветствовали друг друга.

— Не страшны нам ни холод, ни зной, — смеялись старички.

Осень всё больше походила на зиму. Слой мокрого снега прихватило морозом, и на асфальте образовалась наледь. Ходить стало травмоопасно да и просто слишком холодно. Перед Девочкой встала проблема выбора: вернуться в зал или, наклеив на подошвы кроссовок наждачную бумагу,

продолжать ходить в опустевшем парке.

Решение нашлось случайно. Роясь в интернете, Девочка наткнулась на видео — «Ходим дома с Лесли Сансон». Идея ходьбы на месте показалась ей гениальным выходом, и вскоре она уже бодро топала, попутно совершая разнообразные движения руками и высоко поднимая колени. Пока Девочка, одетая в соблазнительно облегающие голубые леггинсы, усердно маршировала под видео, Любимая смаковала вечернюю чашечку чая. Её задумчивый взгляд был устремлён чуть ниже талии Девочки.

— Ничего себе так булочки, в самый раз, — удовлетворённо изрекла она, причмокнув и поставив чашку на блюдце.

Девочке вспомнился день их знакомства... Палящая жара, рынок, гора полосатых арбузов и жёлтых дынь. «Ничего себе так дыньки, в самый раз».

— Что? — обернулась Девочка, покраснев.

— Да я вот думаю, не взять ли к чаю булочку? — Попытка сделать невинное лицо Любимой не удалась: шаловливые искорки в глубине её зрачков выдавали её с головой.

— Сдобой увлекаться вредно для фигуры, — фыркнула Девочка.

— Смотря какой сдобой, — мурлыкнула Любимая, вставая с дивана, и Девочка ойкнула, ощутив её пятерни на своих ягодицах. — Вот эта «выпечка» мне гораздо больше нравится, м-м...

«Пусть уж лучше Любимая дома пристаёт, чем всякие пузатые потные дядьки в зале», — подумала Девочка. Вместо пяти миль с Лесли сегодня намечалась кое-какая другая, куда более приятная физическая нагрузка.

Подарок для ангела

Кошкой подкралась зима на белых пушистых лапах, а под конец декабря окутала всё вокруг призраком мандаринового запаха, отблесками гирлянд и ожиданием чудес. Скрипя сапожками по снегу, Одна Девочка торопилась после работы в торговый центр — за подарками. Предпраздничная суэта настраивала на легкомысленный, радостный лад, наполняя предвкушением чего-то прекрасного... Девочка припоминала несколько минувших Новых годов: все они оставляли желать лучшего. Но вот такая парадоксальная штука: всё равно это детское ожидание чуда щемило в груди снова и снова, а звуки «Вальса цветов» осыпали блёстками-мурашками душу. В прошлый Новый год Девочке было не до праздника: Мама попала в больницу; всё закончилось благополучно, но зимние выходные прошли в нервотрёпке и переживаниях. Позапрошлый был подпорчен неприятностями на работе, Девочке пришлось увольняться. После праздников она нашла новое место, но стресс не прошёл даром — вскоре она свалилась с тяжёлым гриппом... «Скрип-скрип-скрип», — энергично шагали сапожки по пушистому, рыхлому и лёгкому покрывалу свежевывающего снега. Может, хоть в этот раз всё пройдет удачно?

Вечер мерцал городскими огнями, всюду переливалась праздничная иллюминация, придавая улицам нарядный, уютный и немного таинственный вид. У дверей торгового центра стоял, зябко переминаясь на снегу, какой-то человек... Девочка скользнула по фигуре беглым взглядом; её сейчас больше заботило, что купить в подарок дорогим ей людям.

Через час она, нагруженная пакетами, выходила на улицу под усилившийся снегопад. Коварная наледь пряталась под искрящимся ковром... Нога резко поехала в сторону, и Девочка, ощутив укол холодной иглолочки испуга, потеряла равновесие.

Удар ледяной стихии швырнул её в наполненную метелью пустоту. А потом Девочка увидела себя будто бы со стороны — бледную, с закрытыми глазами и забинтованной головой. А вокруг — больничная палата. Рядом сидели Мама и Любимая — расстроенные, усталые, не выспавшиеся. Опять никакого праздника... По радио передавали бой курантов, и медсёстры в укромном уголке разлили по пластиковым стаканчикам шампанское. Тоже мало хорошего — работать в Новый год. А Девочку почему-то больше всего беспокоило, куда делись подарки, которые она купила... Может, потерялись по дороге? Или остались брошенными на

улице?

Да вот же они — у неё в руках!.. Голоса и шаги вокруг шуршали-гудели суетливо, гирлянды весело подмигивали, а Девочку задевали плечами шедшие мимо люди — тоже с охапками покупок. В каждом углу блестели наряженные искусственные ёлки, а Девочка застыла со своими пакетами перед самым выходом из торгового центра, ошеломлённая, окутанная коконом знобких мурашек. Что это?.. Только что была палата, повязка, убитые горем лица, и вдруг — будто скачок в другую реальность... Какая из этих реальностей — настоящая?

— Девушка, ну, вы будете проходить или нет? — раздалось рядом. — Встали в дверях — ни обойти, ни объехать...

Недовольный женский голос выдернул Девочку из потрясённой обездвиженности, заставив поёжиться. Точной такой же неприятный голос был у школьной директрисы. Ох и грозная была тётенька... Монументальная — сама себе памятник, и весила столько же.

— Извините, Валентина Валерьевна, я нечаянно, я больше не буду, — невольно вырвалось у Девочки — совсем как много лет назад, когда они с одноклассниками забрались в учительскую и опрокинули вазу с цветами на документы.

Сердитая особа в белом пальто посмотрела на неё удивлённо, покрутила пальцем у виска. Не директриса, конечно. Просто незнакомая необъятная тётка — вот уж кого не объехать! Девочка посторонилась, пропуская её, и та выплыла на улицу, точно айсберг. До роковой встречи с «Титаником» оставались считанные мгновения...

— Идиот, ну куда ты едешь?! Купят права, а потом за руль садятся, людей давят...

Серебристый пафосный джип еле успел затормозить в паре сантиметров от тёти в белом пальто, паркуясь около торгового центра. Впрочем, тётини объёмы вызывали опасение не за неё, а, скорее, за машину. Сама же женщина стояла непоколебимо, как скала, а чудом уцелевшее транспортное средство от торможения даже чуть занесло вбок. Выскочил водитель, крепкий парень в кожаной куртке:

— А ты куда прёшь, слониха разожравшаяся?! — И вдруг икнул, замер на мгновение, а потом пробормотал: — Ой, извините, Раиса Павловна, это вы...

Лицо у него сделалось смешное, совсем мальчишеское — ни дать ни взять набеодокуривший школьник.

— А, это ты, Никаноров? Десятый «Б»? — Тётка хмыкнула. — Как был двоечником, так и остался. Несмотря на все твои джипы.

Впрочем, тётя-учительница сменила гнев на милость, когда бывший ученик предложил её подбросить. Встреча «Титаника» с айсбергом окончилась благополучно и мирно.

Нога Девочки ступила на припорошённую снегом наледь. Снова резкое скольжение и иглы испуга, но чья-то рука подхватила её и не дала упасть.

— Осторожнее, — сказал кто-то. — Тебя дома ждут, береги себя.

Девочка даже не успела толком разглядеть своего спасителя: рядом уже никого не было. В памяти всплыла та самая фигура, что переминалась с ноги на ногу у входа — размытая, без лица и без пола.

Домой Девочка добралась без приключений. Откуда незнакомый спаситель знал, что дома её дожидается Любимая? Почему он стоял у дверей, кого ждал? А главное — что это было за «кино» с больницей?

А на выходе из автобуса Девочку осенило: если бы не подхватившая её рука, всё так и случилось бы. Удар головой, палата, повязка, Новый год в больничных стенах. Очередной испорченный праздник.

Дома пахло яблочной шарлоткой с корицей: это Любимая уже вернулась с работы и колдовала на кухне. У Девочки стало солоно в горле от слёз: а ведь она могла не дойти до домашнего тепла. Кто же он, загадочный спаситель, благодаря которому не случилось беды?

Уже уткнувшись в подушку и собираясь уснуть, Девочка вдруг открыла глаза и уставилась в уютный полумрак комнаты. А ведь, наверно, это был ангел-хранитель...

Она полночи не сомкнула глаз, всё думала об этом. Встать пришлось рано, и не выспавшаяся Девочка, дуя на обжигающий кофе, сваренный Любимой, тёрла сдавленные болью виски. Ангелу тоже нужен подарок, озабоченно думала она. Как же без подарка? Ведь это Новый год — пора чудес... Но что подарить ангелу? В чём он может нуждаться? Девочка смутно помнила руку — твёрдую и очень холодную, без перчатки.

Позже, уже в круговерти дня, она усмехнулась над своим утренним полусонным бредом: подарок для ангела... А почему бы и нет? Что-то подсказывало ей, что это — не бред вовсе, ведь откуда-то взялось видение больничной палаты. Кого ждала эта смутная фигура у входа? Да её, Девочку, и ждала, наверно. Чтоб подать руку в нужный миг. Чтоб она дошла до дома живая и здоровая.

«Ну и фантазёрка же я», — усмехалась про себя Девочка, покупая пару пуховых варежек — очень милых и мохнатых, с мягкой и приятной бархатистой подкладкой. В самый раз для озябших рук ангела. Упаковав подарок в коробку с бантом, Девочка задумалась: как же её теперь отдать?

Она бродила около входа в тот самый торговый центр, сама толком не зная, что предпринять. Народ входил и выходил, снежок щекотал щёки, хлопья повисали на ресницах. Может, оставить на лавочке? А вдруг коробку возьмёт кто-нибудь другой? Нет, не годится. Если бы снова попасть в ту «другую реальность»...

Подняв на миг глаза к подсвеченным городскими огнями облакам, Девочка снова опустила взгляд — и застыла в снежно-щекотных мурашках: там, где ещё недавно бурлил людской поток, раскинулась зимняя пустота и тишина. Лишь новогодние огни горели, но ни людей, ни машин... Город будто вымер, вмиг опустошённый силой некой жутковатой магии. В свете фонаря летели холодные блёстки, кружась искрами зимнего праздника, а в пятне электрического света — пустая, заметённая сахарным снегом лавочка, которая тоже как будто кого-то ждала. Вне времени, вне пространства робко билось сердце, и Девочка, двигаясь сквозь вязкое, колдовское оцепенение, положила подарок на эту лавочку.

Вздых, взмах ресниц... Скрип шагов. Когда Девочка обернулась на звук, коробки на лавочке уже не было, а щека горела, словно от поцелуя.

Выходя из автобуса, она наступила на ногу кому-то смутному, без лица и голоса.

— Простите...

Сапог Девочки скользнул на наледи возле бордюра, отшлифованной колёсами транспорта... Рука в знакомой пушистой варежке снова подхватила её. И опять она не успела рассмотреть: её хранитель канул в мельтешащее кружево снежинок, оставив в пространстве только щемяще-загадочный след своего присутствия. Был — и нет...

— С Новым годом, — улыбнулась Девочка вдогонку, обводя взглядом улицу.

А дома её ждала наряженная ёлка и запах мандаринов — как в детстве.

Матрёшка

Жила у Одной Девочки во дворе кошка. Ничья, просто сама по себе. Двухцветная — тёмно-коричневая с белыми пятнами и пристально-зверинными, холодными зелёными глазищами. Её густая и мохнатая шубка была вечно какой-то взъерошенной — у людей такую причёску обычно называют «я упала с сеновала, тормозила головой». Где её логово, точно Девочка не знала; то ли в подвале та пряталась, то ли ещё где-то. Киса — с характером: диковатая и независимая, она не давала себя погладить — всегда убегала.

Девочка часто видела кошку возле своего подъезда. Та, свернувшись пушистым клубком, грелась на солнышке и провожала жильцов взглядом. Порой Девочка, встречаясь с кошкой глазами, ощущала какое-то ёканье в груди... У неё никогда не было животных: сначала Мама не разрешала, а потом стало как-то всё равно.

Потом кто-то из жильцов подъезда поставил у крыльца пластиковую мисочку, в которую для кошки время от времени подбрасывали угощение, а вскоре рядом с посудиною появилась картонка — отрезанное от коробки дно с небольшими бортиками. В нём кошка иногда устраивалась полежать, проявляя свойственную её роду приязнь к коробкам.

Девочка про себя назвала кошку Матрёшкой. Почему? Увидев однажды сидящий пушистый силуэт со спины, она поразилась сходству его очертаний с одноимённой деревянной фигуркой.

Однажды Матрёшка показалась во дворе с тремя милыми, смешными, подвижными и неугомонными котятками. Уродились они в маму: такие же мохнатенькие, а окрас у них получился из разных комбинаций коричневого и белого — как у Матрёшки, только расположены пятна были у каждого по-своему. Котятки жильцы вскоре разобрали — конечно, из-за невозможной, просто зашкаливающей милоты этих вертлявых пушистиков. А вот Матрёшка никому не давалась, так и оставалась гуляющей сама по себе.

Потом во дворе появился Дымок — желтоглазый кот серого окраса без полос, похожий на «британца». Вместе их с Матрёшкой Девочка не видела, но почему-то ей думалось, что это её кавалер. Если Матрёшка была нелюдимой и угрюмоватой, то Дымок оказался хитрюгой и подхалимом: бросался в ноги, громко мурлыча, тёрся и ластился — самое неприступное сердце дрогнуло бы. Ну как не угостить такого ласкового котика вкусненьким? Вот и перепадало Дымку съестного гораздо чаще, чем гордой

Матрёшке. Эта мохнатая леди была ещё и привередливой в еде, брала далеко не всё, чем с ней делились жильцы. А вот Дымок трескал, как в последний раз, да ещё и добавки просил. И за разборчивой Матрёшкой доедал.

Однажды Девочка решила приготовить карасей в сметане; поднявшись на крыльцо и уже собираясь открыть дверь подъезда, она услышала снизу «муррр» и почувствовала ногой кого-то пушистого. Серая желтоглазая мордаха Дымка заглядывала с надеждой снизу вверх: чуял хитрый проглот рыбку в пакете у Девочки, вот и тёрся — и головой, и боками.

— Ну, что ты трёшься, маленький? — умилилась Девочка, присев.

Дымок давал себя гладить и сам льнул к ладони, тягуче обвивался вокруг Девочки, задрал хвост трубой.

— А ты, обжорка, — засмеялась Девочка, растаяв от кошачьей ласки. — Ах ты, попрошайка...

Расщедрившись, она достала из пакета маленького карасика и положила в мисочку. Кот с урчанием накинулся на угощение. Сlopал он рыбку вместе с чешуёй и не подавился.

А однажды в воскресенье, снова отправляясь в магазин, Девочка услышала «мяу». Это оказалась Матрёшка — с её пронзительной зеленью глаз. И снова ёкнуло в груди...

— Ты подожди, я сейчас за продуктами схожу. Куплю тебе что-нибудь, — пообещала Девочка.

Она направилась в сторону магазина, а Матрёшка, нахохлившись пушистым шаром, ждала.

Когда Девочка возвращалась, кошка уже сидела около мисочки. Стоило Девочке присесть на корточки и зашуршать пакетом, как Матрёшка принялась обвиваться и тереться — в точности как Дымок. Это было удивительно — при её-то неласковом нраве! Эта гордая принцесса никогда ничего не выпрашивала, не ластилась, а угощение принимала так, будто делала жильцам одолжение... И вдруг — такая перемена! Может, у Дымка научилась? «Сообразила, что если ласкаться, то больше дадут», — с усмешкой подумала Девочка, отщипнув кусок охлаждённого куриного филе и положив в кошачью посудину. Матрёшка облизнулась, но приниматься за еду не спешила — ждала, когда Девочка уйдёт. Что ж, каждый имеет право на свои причуды.

Дымок вскоре обрёл свой дом: его взяла к себе пенсионерка тётя Люда с первого этажа, покорённая обходительностью этого серого мордастого джентльмена. А вот Матрёшка куда-то запропастилась.

Её не было уже очень долго. В круговерти забот Девочка нет-нет да и

вспоминала об этой кошке; картонка-лежанка давно размокла и была выброшена кем-то, мисочка пропала, но Девочка, выходя по утрам из дома на работу, всё ждала... Даже пакетик с кормом иногда клала в сумку на всякий случай: а вдруг вернётся? Нет, не появлялась Матрёшка. Что поделать, кошачий век недолог, а у бездомных — ещё короче. Всякое могло случиться, жизнь есть жизнь. Но о плохом думать Девочке не хотелось. Надежда теплилась.

Осенний дождь барабанил по куполу зонтика. Под козырьком крыльца усталая после рабочего дня Девочка свернула его и замешкалась, шаря в сумочке в поисках завалившихся на дно ключей... И вдруг — тоненькое «мяу».

Коричневая с белыми пятнами кошка смотрела на неё прохладными зелёными глазами. Прибитая дождём шубка выглядела уже далеко не так лохмато, выдавая худобу и угловато торчащие косточки, но Девочка узнала Матрёшку. Она узнала бы её из сотни похожих кошек.

В пакете у неё не было ничего подходящего для угощения, но она присела на корточки и протянула руку... Погладить? Девочка помнила, какая Матрёшка гордячка, и сомневалась. Но кошка поднялась на задние лапки, передними встав ей на колено, и уже через секунду Девочка выпрямилась с нею на руках. А скиталица обняла её за шею — совсем по-человечески, устало закрыв глаза.

«Наверно, так только в кино бывает», — думала Девочка. Её глаза застилала тёплая солёная влага, а горло сжалось. Она растерянно застряла на крыльце, не зная, что делать дальше. Матрёшка так прижалась, так вцепилась, что и не оторвать... Нет, о том, чтобы её отпустить, не могло быть и речи. Так Девочка с кошкой на руках и поднялась на свою площадку. Матрёшка не разжимала объятий до самого порога квартиры. Только когда дверь за ними закрылась и клацнул выключатель в прихожей, она позволила опустить себя на пол.

Девочка метнулась на кухню, даже не сняв плаща и сапогов. Чем же накормить гостью? Выбрав несколько кусочков мяса из плова с курицей, она поставила блюдце перед Матрёшкой. Кошка пожирала еду голодным взглядом, но не притрагивалась. Она не ест, когда на неё смотрят, вспомнилось Девочке. Уважая эту причуду, она тихонько удалилась с кухни.

Когда она осторожно заглянула, блюдце уже опустело, а Матрёшка свернулась около батареи, прижавшись к ней боком, и спала.

Вернувшаяся с работы Любимая, увидев эту картину, вскинула брови:

— А это ещё что за морда?

— Она у нас во дворе жила, помнишь? Её ещё все подкармливали... А

потом пропала надолго. Вот, вернулась. Вцепилась в меня и не отпускала, пришлось домой нести. — Девочка прильнула к рукаву Любимой, заискивающе водя пальцем по плечу, и мурлыкнула: — Давай её оставим, а? Дымок, вон, у тёти Люды живёт — моську наел такую, что скоро в дверь не пройдёт... А Матрёшка пускай у нас останется. М?

— Матрёшка? — усмехнулась Любимая. — У неё и кличка есть?

— Это я так её прозвала — мысленно. Она, когда сидит, со спины на матрёшку похожа. — Девочка потёрлась носом о прохладную щёку Любимой, с жаром прошептала: — Пожалуйста, пусть она у нас останется...

— Слушай, ну её же к ветеринару сначала надо, — озабоченно нахмурилась та. — Мало ли... Вдруг болячки какие-то.

— Обязательно отвезём, — заверила Девочка. — Всё, что надо, сделаем, пролечим. Зай, надо её взять, пойми. Так надо. Пусть у неё будет свой дом...

Любимая только вздохнула. Разве она могла сказать «нет», видя эти влажные искорки в глазах Девочки?

У ветеринара выяснилось, что никаких серьёзных болячек у Матрёшки нет, но сюрприз она всё-таки преподнесла, оказавшись беременной. Срок был ещё маленький, потому живот и не выступал.

— Даже не знаю, как тебе сказать... У нас в семье ожидается пополнение, — сообщила Девочка эту новость Любимой, поглаживая свернувшуюся у неё на коленях Матрёшку.

— В смысле? — нахмурилась та. — Ты что, залетела?

— Не я, — рассмеялась Девочка. — Вот эта мадам.

И она почесала за Матрёшкиным ухом.

— Так и знала, что без сюрпризов не обойдётся, — проворчала Любимая. — Уф... Это называется: не было печали — купила баба поросё!

Она присела к столу, озадаченно ероша себе волосы и потирая подбородок, а потом сказала:

— В общем, малышню сама раздавать будешь, кошатница! Ещё не хватало тут приют разводить.

— Пристроим, — усмехнулась Девочка, ощущая щекотное тепло шёрстки под ладонью. — Первая партия котят разошлась на ура — думаю, и вторая без хозяев не останется. Уж очень они у Матрёшки хорошенькие получают.

Чуть позже вечером Девочка мучила Гугл на тему «уход за беременной кошкой», а виновница этого переполоха по-прежнему не слезала с её колен. Куда только девалась вся её независимость и нелюбимость! Любимая на

кухне заваривала чай, дождливый сумрак кошачьими коготками скрёбся в окно, а под сердцем у Девочки урчало пушистое и тёплое чувство — этакий комочек с розовым носиком. Они с Любимой жили хорошо и до Матрёшки, но чего-то как будто не хватало...

Недостающий кусочек нашёлся — дремал, прижавшись мохнатым боком к животу Девочки, и, похоже, больше уходить не собирался.

Любовь и сопли

Одна Девочка с Любимой занимались генеральной уборкой. Как известно, уборка — занятие довольно скучное, и обычно приходится прилагать усилия, дабы сделать его не столь тягостным. Из колонок ажурно струилась негромкая, лёгкая джазовая музыка; окрылённые ею ноги Девочки приплясывали, точно обутые в летающие сандалии, а руки порхали лебедями, смахивая пыль. Они с Любимой коротали уборочное время в разговорах. Беседа непоседливо и непринуждённо прыгала с одной темы на другую и как-то сама собой забрела в далёкое детство.

— А тебе нравились только девочки? — спросила Любимая, стоя на табуретке и разбирая завалы хлама на антресолях шкафа. — Или мальчики тоже?

Девочка, остановившись в балетной позе, задумалась.

В садике к ней приставал чернявый мальчик Тимур. Вёл он себя возмутительно: толкался, щипался, как-то раз спихнул с качелей. Как назло, на танцевальных занятиях Девочку поставили в пару именно с ним. Ох и натерпелась же она от своего хулиганистого партнёра! А тут ещё Мама отдала её в кружок балльных танцев... И там тоже оказался несносный Тимурчик! Отплясывал, правда, этот ужасный ребёнок талантливо, но во время танцев не отказывал себе в удовольствии щипнуть Девочку или сказать на ухо какую-нибудь гадость. Девочка терпела, терпела и не вытерпела — в отместку толкнула Тимурчика так, что он не устоял на ногах.

— Ты ему, наверно, нравишься, — сказала Мама. — Просто мальчики не всегда умеют выразить это.

Как можно делать больно тому, кто тебе нравится? Это не укладывалось у Девочки в голове. На Тимурчика она так и не взглянула благосклонно. А вот от его импозантного папы воспитательницы млели, когда он приходил за сыном, одетый в форменное пальто пилота гражданской авиации — статный, темноглазый красавец, уроженец Кавказа. Был он жгучим брюнетом с темпераментными бровями и усами, и между собой воспитательницы прозвали его Мимино. Завидев его, перешёптывались с улыбочками:

— О, опять пришёл этот... «Ларису Ивановну хочу!»

С мальчиками у Девочки как-то не складывалось в садике. Зато она млела от одноклассницы Тани. У Тани были две толстые косички с

пышными бантами. Сначала они с Девочкой были не разлей вода, но потом их дружбу разбила Катька — толстененькая девчонка с круглой сердитой рожой и вечными, никогда не проходящими соплями. У Девочки они вызывали брезгливое содрогание, а вот Таню эти-то сопля и восхищали. Никто, кроме Катьки, не умел так виртуозно пускать носом пузыри!.. Катька ещё показывала фокус: выпускала длинную, тягучую соплю так, чтоб она повисла, а потом одним громким «шмыгом» всасывала обратно в нос. Брр... Девочка морщилась, а Таня восторженно хлопала в ладоши и смеялась. Они с Катькой стали дружить против Девочки: показывали ей языки, отбирали игрушки, смеялись над ней. Как и в случае с Тимуром, Девочка долго сносила эти издевательства, а однажды молча спихнула противную Катьку с горки. Она всегда вершила справедливое возмездие вот так — неумолимо и беспощадно, не произнося ни слова: терпит, терпит, а потом ка-а-ак стукнет!.. Объяснять, за что, она не считала нужным: тот, чьё рыльце в пушку, и так знает свои грехи. Падать было невысоко, но обидчица разревелась, размазывая свои длинные сопля по лицу. Упала она очень смешно, кверху пухлой попкой в трусиках в горошек. Девочке вдруг стало легко и весело, вся обида ушла куда-то за солнечную пелену тёплого летнего дня, и с того момента она потеряла всякий интерес и к Катьке, и к своей бывшей «любви» — Тане. Годы спустя она встретила Таню в университете, но та даже не узнала Девочку.

После победы над Катькой Девочка сдружилась с Надей — долговязой, белобрысой и некрасивой, с грубоватыми, какими-то мальчишескими чертами лица. Надю мало кто любил, а она делала вид, будто ничуть не страдает от одиночества: часто она расхаживала среди играющих ребят с гордым, независимым видом и щурилась вдаль, будто её одолевали недетские, серьёзные думы. Но к Девочке она потянулась на удивление охотно — значит, общения ей всё-таки хотелось. У Надиной мамы была неженская профессия — она служила на рыболовном судне, которое производило консервы. Когда мама на полгода уходила в море, Надю брала к себе бабушка, а папы у них не было. Жила бабушка в секторе частных домов и держала кур, гусей и козу. Домашнюю скотину Надя любила, но относилась к ней без сентиментальности, с деревенской практичностью. Девочку шокировал рассказ подружки о том, как она всё лето играла со своим любимцем — гусем, а потом бабушка его зарезала, ощипала и сварила из него суп. Большого несчастья Надя в том не видела: для того домашняя птица и была предназначена — чтоб её есть и получать от неё яйца. Маму подружки Девочка видела пару раз на детсадовских утренниках. Такая же некрасивая, нескладная, простецкая, с не по-женски

широкими плечами и плоской грудью, она смотрела на свою дочурку со сдержанной лаской и теплом в водянисто-голубых глазах с бесцветными ресницами. Девочка потом долго считала, что все тётеньки-моряки такие, как она. Всякий раз, уплетая вкусные консервы из сайры в масле, она вспоминала Надину маму.

— А в школе? — полюбопытствовала Любимая, вертя в руках сломанный старый фен, заброшенный на шкаф с мыслью «может, когда-нибудь отремонтируем».

Девочка прошлась влажной тряпочкой по книжным полкам — ласковыми, вдохновенными движениями танцующих, окутанных джазовой мелодией рук. В пятом классе она боготворила Олю — обладательницу волнистой копны рыжевато-каштановых волос, глубоких карих глаз и очаровательных веснушек. Оля была для неё недостижимой феей, небожительницей, принцессой, пока однажды на уроке математики не случилось ужасное. Оля чихнула, и содержимое её хорошенького носика шлёпнулось прямо на клетчатый тетрадный лист. Девочка отвернулась в шоке и уткнулась в свою контрольную, не желая смотреть, как Оля станет выкручиваться из этой щекотливой ситуации: она поняла, что уже не будет прежней. Очарование Оли рассеялось. Она вдруг стала обычной.

— Значит, ты поняла, что принцессы не пугают бабочками? — усмеялась Любимая. — А если я чихну, ты меня тоже разлюбишь?

— Ну, тогда ведь я была совсем маленькая и глупая, — рассмеялась Девочка.

— А теперь — большая и умная? — Любимая мягко спустилась с табуретки и пощекотала Девочку за ушком.

— Мррр, да, — ответила та, по-кошачьи щурясь и ласкаясь к руке Любимой.

Уборка завершилась поздно вечером. В квартире пахло шампунем для ковров и освежителем воздуха, а Девочка с Любимой, обнявшись на диване, листали альбом со старыми семейными фото, найденный на пыльных антресолях.

Масленица

Кто ж не любит Масленицу с её изобильным столом, с её солнечно-золотыми блинами, ноздреватыми и мягкими, согревающими нутро своим добрым жаром?.. Одна Девочка и её Любимая не были исключением. Готовить умели обе, но блины лучше получались у Девочки.

На Масленичной неделе они сходили в гости к Маме. Обмакивая нежный, узорчатый блинчик в малиновое варенье, Любимая подмигнула Девочке:

— Теперь понятно, в кого ты такой блинопёк!

На следующий день Мама с Ланой уже в свою очередь были приглашены к ним на блины. Девочка давно хотела научиться переворачивать их, подкидывая в воздух: особо тонкие блинчики рвались от лопатки, и иного способа перевернуть их неповреждёнными просто не было. С утра Девочка усердно тренировалась. Получилось у неё не с первого раза, и подкидывать блины приходилось над мойкой или рабочей поверхностью — чтоб если и мимо, так не на пол или плиту. Сперва нужно было слегка потрясти сковородкой, чтоб блин отделился; если он скользил и легко отставал, значит, можно переворачивать. Жестом жонглёра Девочка делала движение сковородкой вверх — и круглая тонкая лепёшка летела к потолку. Заметив улыбающуюся в дверях кухни Любимую, Девочка воскликнула:

— Ахалай-махалай, ляськи-масьски!.. Внимание, смертельный номер!

Подыгрывая ей, Любимая изобразила барабанную дробь. Блин взмыл вверх, перевернулся и шлёпнулся на сковородку. Девочка слегка трянула его, и он лёг ровно.

— Ну, ты виртуо-о-оз! — уважительно качая головой, протянула Любимая.

Но Девочке показалось мало одного переворота, и она пошла дальше в совершенствовании своего мастерства. Она добивалась такой силы и точности броска, чтоб блин перекувыркивался в воздухе два и даже три раза.

К приходу гостей на тарелке дымилась тяжёлая, дышащая сладко-сливочным ароматом стопочка блинов, но в большой кастрюле ещё оставалось тесто. Девочке непременно хотелось поразить Маму и Лану выученным трюком.

— А хотите блинчиков с пылу-жару? — весело предложила она. —

Сейчас всё будет! И не просто так, а со спецэффектами!

Мама с Ланой заинтересованно переглянулись, а Любимая кивнула со значительным видом, будто говоря: «Сейчас вы увидите нечто грандиозное, даже не сомневайтесь!» Масло на сковороде потрескивало, а когда тесто полилось бежевой ровной струйкой, раздалось громкое шкворчание. Тесто ложилось узорами, обещая на обратной стороне поджариться причудливым, аппетитным, дырчатым рисунком. Вот уже верхняя сторона блина перестала влажно блестеть, схватилась, и Девочка, готовясь выполнять свой «смертельный номер», чуть встряхнула сковородку. Блин легко скользил.

— Тройное сальто! — объявила Девочка.

Бросок! Шлёп! Блин, перевернувшись три раза, приземлился благополучно, и Мама захлопала в ладоши с восторженно разинутым ртом. Она радовалась, как ребёнок, только что увидевший увлекательный цирковой номер.

— Вот это да!

Девочка раскланялась, с достоинством принимая заслуженные аплодисменты. Тщеславный чертёнок вдруг зашевелился в ней, боднул рожками, и Девочка решила: «А, была не была!..» Она пошла на усложнение трюка — бросок в четыре переворота, который ей пока ещё не удавался. А вдруг получится именно сейчас? Какой эффект будет!..

Блин взлетел... Но не приземлился. По лицу Любимой Девочка поняла, что что-то пошло не так. Та захватила и примяла себе ладонью рот и подбородок, по-видимому, изо всех сил стараясь удержать рвущийся на свободу смех.

Сковородка была пуста. Девочка растерянно окинула взглядом пол... Ничегошеньки. Проследив направление взглядов гостей, фокусница обнаружила пропажу. Солнечно-круглый, жирный, горячий блин прилип к потолку. Высоты кухни для броска с четырьмя переворотами явно не хватало.

— Гм, прошу прощения, этот номер был недостаточно подготовлен и отрепетирован, — пробормотала Девочка, краснея то ли от блинного чада, то ли от смущения.

— Ахалай Махалаич ты мой! — Уже не сдерживая смеха, Любимая обняла её за плечи.

Она встала на табуретку и бережно сняла блин с потолка.

— Его кто-то будет есть? — спросила она, окидывая всех искрящимся от веселья взглядом. — Нет? Ну, тогда я его съем, если никто не возражает.

И Любимая, свернув блин, хорошенько искупала его в розетке с

вареньем, после чего со вкусом откусила.

— По-моему, так ещё вкуснее, — с набитым ртом проговорила она, жуя.

Смущение отступало, а на его место приходило ласковое тепло: Девочка любила, когда её стряпню ели с таким наслаждением. Однозначно, праздничный обед вышел на славу.

Пляжная феерия

Однажды Одна Девочка с Любимой отправились на пляж. Сосны, белый песок, лазурная вода... и куча народу. Рядом отдыхала весьма колоритная парочка: она — знойная женщина, мечта поэта, обладательница роскошного шестьдесят второго размера, он — мужичок-муравей, щупленький и кривоногий. Дама загорала стоя, а её миниатюрный супруг, примостившись в её обширной тени, наслаждался созерцанием симпатичных девушек в купальниках. Дама не просто загорала, она принимала солнечные ванны, подставляя жарким лучам все участки своей необъятной, как закрома родины, фигуры. Со стороны казалось, будто она играет в «море волнуется раз...»: в каких только причудливых «морских фигурах» она не замирала, стремясь к ровному загару!

— Галя, с тебя прямо скульптуру ваять можно, — заметил Муравей. — Древнеегипетскую. Сфинкс называется.

Голос был под стать его телосложению: пискляво-гнусавый, мультяшный. Галя не удостоила его ответом. Ветерок колыхал широкие обвисшие поля её пляжной шляпки, а обильно смазанное солнцезащитным кремом лицо жирно лоснилось. Никакой муравьиный писк не мог отвлечь её от процесса синтеза витамина Д, которому она сосредоточенно и величественно предавалась.

Девочка с Любимой млели на солнышке, время от времени освежаясь охлаждённым квасом из термоса. Девочка растянулась на животе; её так разморило, что лень было даже смахнуть капельку пота, которая повисла на кончике носа...

И всё-таки она некоторым образом встала, чтобы пройтись по пляжу — щегольнуть постройневшей к лету фигурой и новеньким прозрачным парео. Его складки льнули к её ногам, струились и окутывали их завесой полузагадки. Почему «полу-»? Сквозь ткань всё-таки можно было немало разглядеть.

Взгляду Девочки предстало занятное зрелище: девушки играли в пляжный волейбол. Шоколадно-загорелые, сильные, стройные, длинноногие, в крошечных купальниках, почти ничего не прикрывавших... «Все равны как на подбор, с ними тётка-капитан». Девочка восторженно замерла, но внимание её было приковано отнюдь не к мячу, а в душе рождалась песня:

— «Потому что нельзя...» Потому что нельзя играть в волейбол с

номером бюста от четвёртого и выше!

Неужели она спела это вслух? Волейболистки обернулись и посмотрели на неё так, будто собирались разом наброситься и порвать её парео в клочья. Девочка попятилась, оступилась и упала... в шезлонг, который ей подставили двое из этих загорелых спортсменов. Уже в следующий миг вокруг неё закружился земной рай: одна красотка подносила ей прохладительный напиток, вторая обмахивала опахалом, третья делала массаж ступней, четвёртая — маникюр, а остальные исполняли перед ней зажигательный танец с крепкими, упругими волейбольными мячиками... По четыре на каждую девушку: два спереди, два сзади.

— «Если б я был султан», — напевала Девочка, потягивая коктейль через соломинку.

Но что творилось на пляже? По песку уверенной походкой кинозвезды шагал Муравей — в зеркальных тёмных очках, эротично расстёгнутой рубашке и полупрозрачных штанах. Внезапно остановившись в позе тореадора, он разразился танцем, а из его кадыкастого горла протяжно полилась песнь о любви... Он обращался не к Девочке, а к Гале, которая стояла вполоборота к нему, облачённая в индийское сари. Весь пляжный народ, как по команде, вскочил и заплясал удивительно синхронно.

«О темноокая, широкобёдрая богиня моего сердца! — звучал за кадром перевод песни. — Ты плывёшь по волнам моей души, как изящная шхуна, покачивая своей прекрасной кормой. Меня охватывает жар, когда я вижу твои паруса... Как я мечтаю подняться на борт и поднять свой флаг на твоей мачте!»

Галя с кокетливо-гордым видом выслушивала его признания, колыхая своей «кормой» в такт музыке, а потом настала её очередь петь:

«Не слишком ли ты напорист, отважный пиратский капитан? Ты тянешь свои жадные руки к моим чистым парусам, но гляди, как бы якорный канат не оборвался! В первый же шторм ты вывалишься за борт, хвастунишка! А я поплыву дальше в закат, с достоинством покачивая моей несравненной кормой».

Девочка с открытым ртом наблюдала весь этот Болливуд. Галя отплясывала на песке с удивительной для своей комплекции пластичностью, Муравей увивался вокруг неё, как шлюпка вокруг корабля, делая непристойные движения тазом, или, скорее уж, тазиком. Ванна Гали чуть накренилась из стороны в сторону величаво и плавно, а руки изгибались в загадочных морских фигурах...

А навстречу Девочке шагала Любимая — в подвёрнутых белых

брюках, белой майке на бретельках и просторной голубой рубашке поверх последней. На мокром песке линии прибоя за ней оставались следы её босых ног. Откуда-то взялся белый конь, и они поскакали на нём вдвоём, озарённые розовыми закатными лучами.

— Игорь, не нервируй меня! Подай мне лучше крем от солнца!

Галя — уже не в сари, а в купальнике шестьдесят второго размера — принялась восстанавливать слой крема, смытый водой. Стянув с головы шапочку для бассейна, она встряхнула волосами и водрузила на место шляпку. Супруг усердно помогал ей, размазывая «крем» по широкой, уже слегка покрасневшей спине.

Девочка приподнялась на локтях. Голова гудела, спину пощипывало, а Любимая куда-то исчезла... Прохладный квас из термоса немного привёл Девочку в чувство.

— Ты ещё не перегрелась тут? Пойдём-ка в тенёк.

Любимая склонилась над ней, заслонив солнце. С её помощью Девочка поднялась, и они переместились под навес пляжного кафе, где насладились шоколадным мороженым и холодным пивом. Девочка никак не могла взять в толк, почему на неё все посматривают с ухмылками: с купальником вроде всё в порядке, грязь нигде не пристала...

И только дома, ополаскиваясь в ванной, она увидела в зеркале свою спину. Там красовался более светлый участок кожи в форме кролика с обложки «Плейбоя». Похоже, кто-то побаловался солнцезащитным «кремом», и Девочка даже догадывалась, кто.

— Ах, ты! — кинулась она на Любимую, которая раскладывала по тарелкам сочный, сахаристый арбуз.

Теряя тапочки и поддерживая падающее полотенце, она погналась за Любимой по всей квартире.

— Прости, прости, я пошутила! — смеялась та, убегая.

— Я тебе сейчас пошучу!

Догонялки закончились потерей полотенца. Любимая остановилась и окинула голую Девочку прищуренным взглядом, а потом схватила и повалила на кровать.

«О, прекрасная загорелая роза моего сердца! Ты качаешься в моём саду, нежно благоухая и сверкая каплями росы на рассвете... В моей душе бушует пламя, когда я вижу твои лепестки! Как я мечтаю коснуться твоего бутона губами в обход острых шипов...»

«Не слишком ли ты напорист, трудолюбивый садовник? Спрячь-ка свой большой секатор, я распустилась не для тебя! Ступай лучше собирать огурцы и пасынковать помидоры! Да не забудь прополоть морковные

грядки и полить капусту!»

— Хочешь поиграть в садовника? — мурлыкнула Любимая. — Ну, иди ко мне, моя картошечка, я тебя окучу...

— Картошечка?! — гневно вскричала Девочка. — Сама ты... баклажан!

И догонялки возобновились, причём Девочка старалась достать Любимую взмахами полотенца, как будто та была комаром, которого нужно прихлопнуть. И если бы не вставший на их пути диван, садовник и роза так и не встретились бы в любовных объятиях примирения.

Нехорошая квартира

История эта приключилась, когда Девочка жила одна — не было у неё ни нынешней Любимой, ни вообще какой-либо. Свободна, как птица в полёте, вся жизнь впереди. Она жаждала самостоятельности и сняла квартиру — однушку в «спальном районе», в старой кирпичной хрущёвке. Бабушка, которая эту квартиру сдавала, запросила подозрительно небольшую сумму.

— Это «ж-ж-ж» — неспроста, — озабоченно прищурилась Интуиция. И уточнила: — Цитата, есличо.

— Да ну тебя нафиг, — отмахнулась Девочка. — Зато дёшево. Практически даром! Где я ещё такое найду?

Квартирка была вроде с виду приличная, ничем странным не пахло, соседи — тихие, интеллигентные люди, никто не пил, не дебоширил и в чугунных тапочках по ночам не ходил. Ну, сверлили стены иногда, но кто же не сверлит? В общем, обычная жизнь.

Работала Девочка на своей первой работе, приходила домой в свою первую квартиру и кайфовала: вот она, свобода! Взрослая жизнь! Самостоятельность! Булькали в кастрюле холостяцкие пельмени, орали под окном коты, тихо мурлыкала приятная песня в наушниках телефона... Девочка решила подбросить ещё лаврового листа для аромата, как вдруг...

В тёмном оконном проёме стояла белая фигура. Мужская или женская — непонятно. Пельмени чуть не полетели на пол, а Девочка обнаружила себя с полным ртом лаврового листа под кухонным столом. Дрожащими челюстями она перемалывала сухую, жёсткую приправу, а лаврушечка хрустела на зубах очень громко — такого громкого хруста Девочка никогда ещё в своей жизни не слышала.

Она ещё долго тряслась от ледяного ужаса, не решаясь выбраться. Пельмени сначала бурлили, потом начали затихать... Когда Девочка наконец вылезла, они пристали ко дну кастрюли. Вода почти выкипела. В окне — никого... Только темнота. Коты продолжали распевать свои мартовские песни, а поставленная на повтор композиция всё так же умиротворяюще мурлыкала в одном наушнике: второй у Девочки из уха вывалился и висел. Сей факт она обнаружила, лишь когда зацепилась им за ручку ящика стола.

Откуда было в окне взяться фигуре? Квартирка-то — на пятом этаже...

Так и не поела Девочка в тот вечер пельменей: аппетит пропал. А

утром она выдернула перед зеркалом первый седой волосок.

— А я говори-и-ила! — нравоучительно нудела Интуиция. — Неспроста это «ж-ж-ж»! Надо было соседям расспросить насчёт квартиры — может, тут что-то нехорошее произошло? Вот и бродят теперь... неприкаянные души...

— Ладно, будет тебе страшилки рассказывать, мы не в детском лагере, — поморщилась Девочка.

Вторая жутковатая странность случилась, когда Девочка принимала ванну. Она была уверена, что находится одна дома, а входная дверь заперта изнутри. Играла она себе мирно с пеной, лепила из неё бороду и усы, строила на голове пенную башню, делала маникюр — подрезала хорошо размокшую кутикулу на ногтях... Мерцала свечка в аромалампе, в воздухе пахло благовониями, Девочка расслаблялась и потягивала винишко.

И вдруг за дверью ванной послышались чьи-то увесистые шаги. Топ-топ-топ... Кто-то подошёл и остановился там... Сомлевшей от ужаса Девочке казалось, что невидимка сверлит взглядом дверь. Может, вор? Разум подсказывал рациональные объяснения, а вера в потустороннее настаивала на версии с призраком.

Незнакомец стоял за дверью и дышал (или, вернее, его дыхание дорисовывало буйное Девочкино воображение). О том, чтобы выйти сейчас из ванной, не могло быть и речи... Затаившись, Девочка погрузилась в воду почти полностью — только нос выставила наружу. Она вся превратилась в слух — в одно огромное, покрытое пеной ухо.

Топ-топ-топ... Шаги за дверью удалялись. Горло Девочки невольно булькнуло: «Гол-л-лм...» Только «моей прелести» не хватало, ага. Из зеленоватых глубин ванны поднялся пузырёк воздуха — не очень благовонного. Маникюрные принадлежности утонули, из воды торчала только макушка Девочки с раскисшей и покосившейся пенной башней.

Вода давно остыла, кожа на пальцах сморщилась, но выходить Девочка боялась. Кроме маникюра она сделала себе ещё и педикюр, побрила ноги, выщипала брови — в общем, тянула время, как могла. Никаких звуков за дверью больше не раздавалось. Кладбищенская, пронизанная зябким сквозняком тишина...

— А я говори-и-ила, — опять затянула свою песню Интуиция.

— Ой, всё, хватит, — оборвала её Девочка. — Говорила она...

Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу одним глазом. В обозреваемом пространстве квартиры не наблюдалось ничего подозрительного. Ни души. Хотя... может, души-то неприкаянные...

— Так, хватит, — процедила Девочка наполовину испуганно,

наполовину раздражённо. Не себе — Интуиции, любительнице страшилок тёмной ночью у костра.

Вооружившись вантузом (другого, более подходящего оружия в ванной не нашлось), Девочка переступила через порог ногой в пушистой тапочке. В махровом халате, с тюрбаном из полотенца на голове и с вантузом в руке она выглядела очень воинственно.

— Ну, если не огрею мерзавца по кумполу, так засосу нахрен, — пробормотала, перехватив поудобнее своё «оружие».

Но ни бить, ни засасывать врага не пришлось. Никогошеньки в квартире не было — только Девочка, вантуз и недопитое винишко. Последнее она тут же и приговорила до дна, снимая стресс. Ещё бы — такого страху натерпеться... Естественно, дверь и окна были закрыты — в этом она первым делом убедилась, прежде чем предаться греху винопития.

Пугающие странности продолжали происходить: шорохи, стуки, шаги, внезапно включающиеся и выключающиеся электроприборы.

— Съезжать отсюда надо нафиг, — советовала Интуиция.

— Где ты ещё найдёшь такую дешёвую жилплощадь? — душила Жаба.

Не бывает бесплатного сыра — в этом Девочка убедилась на своей шкуре, которая в последнее время то и дело покрывалась мурашками от страха. В нагрузку к дешёвой жилплощади ей достался вот такой «довесок» в виде полтергейста.

Однажды Девочка возвращалась с корпоративной вечеринки на работе, напевая:

— Нууу... иии... пууууусть... будет нелёгким мой пууууууть... тянут ко дну боль и груууусть... прежних ошибок груууууз...

«Тянут ко дну боль и грусть» — эти слова она пропела с особым выражением, пьяненько всхлипнув и смахнув слезу. Она была безмерно признательна перилам лестницы, благодаря которым хмельной вагончик держался на рельсах и медленно, но верно поднимался к своей квартире.

Девочка не сразу смогла попасть ключом в скважину: опять перегорела лампочка на площадке. Усмотрев в процессе отпирания замка некое непристойное сходство с одним физиологическим процессом, она хмыкнула. Хмель тянул её ко дну похлеще, чем боль и грусть, и уже в прихожей Девочка была готова упасть и уснуть на полу. Но следовало соблюсти приличия и донести себя до постели — хотя бы из самоуважения. Девочка сбросила туфли на каблуках и вздохнула с облегчением...

А в сумрачном коридоре, который вёл из прихожей в кухню, висела в воздухе полупрозрачная фигура. Теперь Девочка могла более-менее

уверенно определить сии фантомные очертания как мужские, но ей сейчас было, мягко говоря, не до знакомств с призраками. Ей бы до дивана добраться...

— Слушай, чувак, давай не щас, а? — проямлила Девочка. — Я немного не в форме, извини...

И для пущей убедительности она запустила в силуэт туфлей, после чего доковыляла до дивана, ударяясь обо все косяки и углы и отлетая от них рикошетом, отчего траектория её движения имела вид ломаной линии. Упав на диван, она пробормотала:

— Пункт назначения достигнут. Миссия завершена.

— А дальше что было? — спросила Любимая.

Холодным, промозглым осенним вечером они сидели в сумрачной гостиной, освещаемой только свечой внутри выдолбленной тыквы. На дворе стоял Хэллоуин — заморский праздник. Девочка испекла тыквенный пирог, а для домашнего (если таковой водился у них в квартире) они, посоветовавшись, поставили чашку молока и блюдце с печеньем.

Прильнув к плечу Любимой, Девочка с сытой кошачьей ленцой смежила веки: в её животе переваривались два солидных куска тыквенного пирога.

— Дальше? Ну, как видишь, осталась жива, — усмехнулась она. — После этого, кстати, все паранормальные явления прекратились. Наверно, призрак обиделся, когда я туфлю в него швырнула...

— Храбрая ты у меня, — чмокнув Девочку в висок, сказала Любимая. — Против «вора» — с вантузом...

— Да какая там храбрая! — махнула рукой та. — Я тогда со страху столько кирпичей отложила — хватило бы дом построить.

В уютном полумраке, разгоняемом лишь приглушённой тыквенной иллюминацией, раздался стук. Обе — Девочка и Любимая — вздрогнули.

— Ой... Это что там стукнуло? — шёпотом пролепетала Девочка.

— Барабашка, — усмехнулась Любимая.

— Сходи, посмотри... Я боюсь, — пискнула Девочка.

— А если это «что-то» меня сожрёт? — Любимая шутливо приподняла бровь.

— Ой, тогда не ходи... — И Девочка обняла её что было сил.

В итоге они пошли на разведку вместе. Вместо вантуза Девочка на сей раз вооружилась разборной пятикилограммовой гантелью.

— Если это призрак, твой метательный снаряд пройдёт сквозь него, — еле сдерживая смех, заметила Любимая. — Призраку хоть бы хны, а в

квартире будут разрушения.

— Не смешно, блин, — сказала Девочка.

Стук издала, как выяснилось, упавшая швабра. Но вот что её заставило упасть? Или, может быть... кто?

— Сила тяжести её заставила, — усмехнулась Любимая. — Всё, хватит на барабашку охотиться. Пошли лучше пирог доедать.

Чашка молока, которую они оставили для домового, опустела, а на блюде остались только крошки. Горло Девочки издало звук «гол-л-лм».

— Угощайся, дедушка домовый, — пробормотала она. — Приятного аппетита...

Об её ногу потёрся кто-то тёплый и пушистый. Этот кто-то сказал «мурр» и облизнулся.

— Фух, Матрёшка, ну ты и напугала! — с облегчением воскликнула Девочка, присаживаясь на корточки и глядя кошку.

На хитрой мордочке Матрёшки виднелись приставшие к шерсти крошки от печенья.

— Хвостатая сила тяжести, — хмыкнула Любимая.

Лучший Новый год

Одна Девочка готовилась к Новому году. Наряженная ёлка мерцала разноцветными огоньками (автор вспомнил, что тоже надо бы включить гирлянду), в духовке источал чарующие ароматы пирог, а из-под ножа вылетали салаты, которые сами укладывались в салатницы красивыми горками.

У Любимой был сегодня короткий рабочий день (она так обещала). Но в четыре часа она позвонила.

— Солнышко, я задержусь на часик. Что-нибудь купить надо? По пути домой могу заскочить в магазин.

Любимая была врачом, а это значило, что клятва Гиппократа не позволяла ей бросить пациента с больным зубом в канун праздника. Тут не только Гиппократ взывал к совести, но и осознание того, что Новый год с зубной болью — высшая несправедливость, а такого нельзя допускать.

Девочка решила, что часик — это простительно, и окинула взглядом праздничные запасы.

— Я икры забыла купить! (Автор, посмеиваясь, пересчитал свои банки с сим деликатесом — целых две!)

— Хорошо, куплю. Больше ничего не надо?

Любимая не зря уточняла. Опыт семейной жизни показывал, что «нет, всё, больше ничего не надо» через пятнадцать минут могло превратиться в «ой, я ещё тут вспомнила...» Девочка тоже это понимала, а потому засмеялась.

— Больше ничего.

— Точно?

— Точно.

— Точно-точно?

— Да!

— Ну ладно.

Девочка продолжала подготовку. Время от времени она отламывала дольку мандарина и таскала из пакета свои любимые конфеты «Маска» (самые-самые любимые батончики «Рот Фронт» она покупать не стала, потому что знала себя слишком хорошо: полкило за вечер — это не предел, а так, лёгкая разминка перед поеданием торта).

Позвонила мама.

— Ну что, первого числа — к нам?

— Да, мам, обязательно, — подтвердила Девочка.

— Тогда в два часа ждём вас.

Девочке попался огромный мандарин. Ей хотелось бы разделить его с Любимой, но пришлось есть одной — в перерыве между вдохновенным созданием салатов «Мимоза» и «Сельдь под шубой». «Эту гадость вашу заливную рыбу» она готовить не стала, но лишь по той причине, что форель была достойна лучшего способа приготовления.

Так, кажется, всё готово... Девочка посмотрела на часы: восемнадцать тридцать... Что-то Любимая задерживалась. Но Гиппократ вставил оправдательное слово:

— Клятва ж, ё-моё.

— Ну ладно, — вздохнула Девочка.

Настало время красоты. Платье, макияж, причёска... тульский пряник. Ну а что поделать? Конфеты «Маска» сами виноваты, что кончились в такой неподходящий момент. (Автор вспомнил о припасённой плитке шоколада и радостно потёр руки).

— Ну, ты где?..

— Зайчонок, через полчаса я буду дома. Икра, я помню.

Надув губки, принаряженная Девочка окинула хозяйским взглядом стол. Время без Любимой тянулось со скоростью черепашьего спринта, что примерно равнялось тараканьей «Формуле-1».

Наконец два телефона соединились в экстазе «Вальса цветов» (автор вспомнил, что пора бы поменять мелодию звонка).

— Я уже еду, малыш.

— Ну наконец-то!.. Купи мне, пожалуйста, ещё полкило конфет «Маска».

— А пряники...

— Героически приняли удар на себя. Кончились.

— Понятно. Будет сделано. Ну и батончики «Рот Фронт», я так понимаю?..

— Это тяжёлая артиллерия. На случай окружения и блокады.

— А какова обстановка по фронтам?..

— Мы несём тяжёлые потери. Враг наступает.

— Вас понял. Торт «Прага» разнесёт врага, как атомная бомба.

— Вы очень проникательны, товарищ Жуков. Отличный план.

— Служу Советскому Союзу!..

Серёжки, румяна, духи. Кокетливо-оценивающий взгляд. Нанося последние штрихи к своему праздничному образу, Девочка вдруг поблелела и уронила пудру.

— Ох!

Когда Любимая приехала домой с килограммом конфет «Маска» и таким же количеством батончиков «Рот Фронт» (тяжёлой артиллерии не мешал двойной объём боеприпасов), а также красной икрой и тортом «Прага», её ждала записка: «Я в роддоме».

Утром первого января мама оборвала все телефоны:

— Вы где? Обещали приехать к двум часам, и что такое?..

Любимая ответила:

— Три килограмма восемьсот граммов, девочка.

На том конце линии, кажется, послышался звук падения на пол.

— Мама, с вами всё в порядке? — встревоженно спросила Любимая.

Откуда-то с пола послышалось:

— Я не уверена. Повтори ещё раз.

Любимая с улыбкой сказала:

— Сегодня, первого января, вы стали бабушкой. Ровно на три тысячи восемьсот граммов тяжелее, чем были до того.

Ёлка мерцала разноцветной пульсацией гирлянд, горка мандаринов в вазе распространяла новогодний аромат, а Матрёшка умывалась лапкой — по примете, к гостям.

Февраль 2016 — декабрь 2017 г